

В. ДУШЕНЬКИН

ПРОЛЕТАРСКИЙ МАРШАЛ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

В.ДУШЕНЬКИН

ПРОЛЕТАРСКИЙ МАРШАЛ

(О В. К. Блюхере)

Издательство политической литературы • Москва 1974

Д86 Душенькин В. В.
Пролетарский маршал (о В. К. Блюхере).
М., Политиздат, 1974.

127 с. (Герои Советской Родины).

Имя легендарного героя гражданской войны и талантливого полководца В. К. Блюхера хорошо известно в нашей стране. В боях и походах рождалась его слава. На самые трудные участки борьбы посыпала партия Блюхера. Бойцы под его командованием защищали Урал, громили Колчака, наносили удары по врагу под Каховкой, Перекопом, Волочаевкой, били китайских и японских милитаристов на Дальнем Востоке.

О жизни и славном боевом пути одного из первых Маршалов Советского Союза рассказывается в книге кандидата исторических наук В. В. Душенькина.

Д $\frac{10604-236}{079(02)-74}$ 239—73

355С

Сентябрь 1918 года.

Вся страна с тревогой следила за бюллетенями о состоянии здоровья Владимира Ильича Ленина, тяжело раненного 30 августа эсеркой Каплан.

Охваченные гневом и негодованием, миллионы трудящихся требовали беспощадной расправы с контрреволюционными заговорщиками, с буржуазно-помещичьей контрреволюцией, клялись отдать все силы на разгром врага. Красноармейцы шли в бой с мыслью отомстить за покушение на жизнь Ленина. Бойцы Восточного фронта ответили на это злодеяние освобождением 10 сентября города Казани, а 12-го — родины Владимира Ильича — Симбирска. Через пару дней — еще одна радостная весть: на линию фронта 3-й армии прорвалось целое партизанское соединение во главе с Василием Константиновичем Блюхером. Об этом выздоравливающему Ленину и Свердлову сообщил Уральский областной комитет РКП(б). Особо отмечалось в нем, что «в лице Блюхера и его полков мы имеем подлинных героев, совершивших неслыханный в истории нашей революции подвиг...»

Героическая борьба южноуральцев, совершивших легендарный рейд по тылам врага от Оренбурга до Кунгура, заинтересовала В. И. Ленина. 19 сентября в беседе с членом Уральского Совета и Уральского областного комитета РКП(б) А. П. Спундэ Владимир Ильич попросил сообщить ему подробнее о Блюхере и героическом походе. В тот же день Спундэ испол-

нил просьбу Ленина. Он писал ему: «Дорогой Владимир Ильич! Посылаю Вам сведения о Блюхере, о котором мы сегодня с Вами говорили. Участвовал почти все время в ликвидации дутовщины. Последний раз ушел из Челябинска против Дутова в начале мая при следующих условиях. В это время он лежал в лазарете, так как вскрылась рана, полученная на войне против немцев... В 8 часов утра были получены сведения о Дутове, к 10 утра Блюхер был уже в штабе для организации выступления... Был отрезан где-то в районе Оренбурга чехами. Сейчас... вышел к нам, увеличив значительно свои войска. При этом он не воспользовался ближайшей дорогой на Ташкент, а выбрал гораздо более трудную — на Урал, идя наперерез Самаро-Златоустовской железной дороге. Питался все время чешскими патронами и снарядами.

Товарищи, проводившие вместе с ним последнюю дутовскую кампанию, утверждают, что буквально во всех случаях его стратегические планы на поверку оказывались абсолютно удачными...

Поэтому Уральский областной комитет РКП(б)... настаивает на том, чтобы Блюхер с его отрядами был отмечен высшей наградой, какая у нас существует, ибо это небывалый у нас случай.

Крепко жму руку и со всей искренностью желаю скорого выздоровления.

Ваш А. Спундэ»

Почти одновременно Реввоенсовет 3-й армии обратил с ходатайством к Я. М. Свердлову, который тогда был председателем ВЦИК, о награждении Блюхера только что (16 сентября) утвержденным орденом Красного Знамени. В ходатайстве говорилось: «Отрезанный и почти окруженный врагами... без снарядов, патронов и снаряжения, Блюхер ведет

своих героев, пролагая свой путь чаще всего штыками. Разбивая отряд за отрядом, он пользуется взятой военной добычей для новых наступлений и новых побед. Он рвет путь между Златоустом и Уфой на 44-й версте и тем облегчает казанскую операцию, мешая в то же время сибирскому правительству прибыть на совещание в Уфу. Соединившись с нами, он вместо заслуженного отдыха вследствие затруднительного положения на нашем правом фланге бросается вместе с героями в бой. Переход войск Блюхера в невозможных условиях может быть приравнен разве только к переходам Суворова в Швейцарии. Мы считаем, что русская революция должна выразить вождю этой горсточки героев, вписавшему новую славную страницу в историю нашей молодой армии, благодарность и восхищение. А потому Военный совет ходатайствует о награждении Блюхера революционным орденом Красного Знамени».

И когда 28 сентября 1918 года перед членами Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов встал вопрос, кого первым наградить высшим революционным знаком боевого отличия — орденом Красного Знамени, Президиум единогласно принял решение о награждении им Блюхера Василия Константиновича. Так Блюхер стал первым кавалером первого революционного ордена. Это была достойная награда достойнейшему вожаку уральских партизан, проявившему недюжинный военный талант во время героического похода.

Откуда взялся военный талант и организаторские способности у простого крестьянского парня, рабочего, солдата, пробывшего на фронте во время первой мировой войны всего четыре месяца? Ответ один: Великая Октябрьская революция и партия большеви-

ков помогли ему обрести себя. Революция, пробудив в народе грандиозные силы, открыла таланты, дала возможность проявиться им; она вызвала появление государственных и политических деятелей, руководителей народного хозяйства, талантливых полководцев. Многие, вернее, большинство, ни по рождению, ни по воспитанию, ни по образованию не были подготовлены к такого рода деятельности. Но партия поручила им ответственный участок работы, и они с честью выполнили свой долг. К ним принадлежал и Василий Константинович Блюхер¹.

А началась его военная деятельность очень просто. В мае 1917 года он приехал в Самару с намерением устроиться на военный завод. Однако Самарский городской комитет партии решил иначе: пору-

¹ Потомок ярославского крепостного, сын крестьянина-бедняка, В. К. Блюхер родился в 1890 году в деревне Барщинка Ярославской губернии. По окончании церковноприходской школы в 1904 году отец пристроил его «мальчиком» в мануфактурный магазин в Петербурге, но через восемь месяцев он сбежал из магазина и устроился на франко-русский завод чернорабочим, откуда за участие в собраниях рабочих был уволен «за ненадобностью». В поисках работы попал в Москву. Работал в слесарной мастерской, затем на вагоностроительном заводе в Мытищах. В феврале 1910 года за призыв к забастовке его арестовали, и он почти три года пробыл в тюрьме и ссылке. Осенью 1913 года Блюхер работает слесарем в мастерских Московско-Казанской железной дороги. Летом 1914 года началась первая мировая война. Василия Константиновича призывают в армию и в сентябре направляют на фронт. Он был награжден георгиевским крестом и медалью. В январе 1915 года получил тяжелое ранение под Тернополем. Больше года пролежал в госпиталях. В марте 1916 года врачебная комиссия признала его непригодным к дальнейшей службе в армии и уволила «в перво-бытное состояние» (то есть в запас) с пенсией первого разряда. В Нижнем Новгороде он работал на Сормовском судостроительном заводе, а затем перебрался в Казань. Здесь в 1916 году он вступает в РКП(б).

чил ему поступить добровольцем в стоявший в городе 102-й запасной полк, развернуть революционную работу среди солдат и привлечь их на сторону большевиков.

Но как попасть в запасной полк? Ведь из армии уволили его совсем, вернули «в первобытное состояние». И лишь боевые награды и настойчивость помогли Блюхеру выполнить поручение партии. С первых дней пребывания в полку он включился в партийную работу. За принципиальность, веселый и общительный характер солдаты полюбили его. В июне они избрали Блюхера членом, а в августе председателем полкового комитета и заместителем председателя военной секции Самарского городского Совета.

Во время Октябрьского вооруженного восстания войска гарнизона поддержали большевиков и 27 октября 1917 года без боя перешли на сторону Советской власти. В этом была громадная заслуга Блюхера. На первом заседании Самарского ревкома Василия Константиновича избрали членом президиума и назначили начальником губернской охраны революционного порядка.

Однако недолго пришлось ему работать в Самаре. Наступили тяжелые для Советской республики дни. Казачьему войску атамана Дутова удалось захватить Оренбург, Верхнеуральск, Троицк, окружить Челябинск, в котором хозяйничала эсеро-меньшевистская дума. Связь центральных областей России с Сибирью и Средней Азией была прервана. Советское правительство призвало всех трудящихся выступить на борьбу с врагом.

В середине ноября Блюхера пригласил к себе председатель Самарского ревкома В. В. Куйбышев и сказал, что получено указание товарища Ленина направить на освобождение Челябинска надеж-

ный отряд. Комиссаром отряда решили назначить Блюхера.

— Учтите,— сказал В. В. Куйбышев,— поручение чрезвычайно ответственное.

— Мог ли я тогда думать,— вспоминал впоследствии Василий Константинович,— что это поручение партии будет началом моей военной работы и навсегда свяжет меня с родной Красной Армией.

Ликвидация дутовщины началась с восстановления и упрочения Советской власти в Челябинске. Первым прибыл сюда Самарский отряд рабочих и солдат во главе с Блюхером. 20 ноября 1917 года с помощью железнодорожников он прорвался сквозь белогвардейские заставы и помог трудящимся свергнуть эсеро-меньшевистскую городскую думу. Власть перешла в руки Челябинского Совета. На первом заседании Совета Василия Константиновича избирают членом, через две недели председателем Челябинского ревкома, а затем председателем Челябинского Совета.

С этого времени он наряду с П. А. Кобозевым, братьями Кашириными и М. В. Калмыковым становится одним из организаторов и руководителей борьбы с контрреволюцией на Южном Урале.

Декабрь 1917 — начало 1918 года прошли в борьбе с дутовцами. С наступлением весны они вновь подняли восстание. На борьбу с ними выступили рабочие отряды Южного, Северного и Среднего Урала во главе с В. К. Блюхером. 2 апреля уральцы разбили противника под Троицком, который был осажден, сняли блокаду и вступили в город, а затем начали окружать дутовцев с севера, востока и юга. На западе действовали южноуральские отряды М. С. Кадомцева, Н. Д. Каширина, М. В. Калмыкова и другие. К 16 апреля враг оказался в кольце. Как загнанный

зверь бросался Дутов из стороны в сторону в надежде прорваться, но всюду получал отпор. Спасая жизнь, он оставил на произвол судьбы свои войска, а сам с небольшим отрядом, прорвавшись у станицы Наваринской, ушел на юг.

В мае приспешники Дутова подняли восстание под Оренбургом и окружили его.

Когда встал вопрос о главнокомандующем Оренбургского фронта, то Уральский областной комитет партии выдвинул на этот пост Блюхера, имевшего уже довольно большой боевой опыт. Ему подчинили Уральский отряд в составе 1-го Уральского стрелкового полка, Екатеринбургского кавалерийского эскадрона, челябинского отряда «Народных копей» и Челябинской батареи общей численностью около двух тысяч бойцов. В Бузулуке отряд Блюхера соединился с отрядом Г. В. Зиновьева (800 бойцов) и другими частями. 19 и 20 мая в районе станиц Татищевой и Донецкой они разбили белоказаков и прорвали блокаду. «Положение Оренбурга прочное и безопасное,— доносил В. К. Блюхер 27 мая.— Вчера сильным отрядом нанесли удар по казакам в районе Пречистенской по Орской железной дороге и по линии железной дороги на Бузулук... Подготавливаем широкую и глубокую операцию против казачьих сил».

Однако осуществить планы Блюхеру не удалось: начался мятеж чехословацкого корпуса¹. Действо-

¹ Чехословацкий корпус был сформирован до Октябрьской революции из военнопленных чехов и словаков. Численность его составляла около 50 тысяч человек. По соглашению с Советским правительством ему был разрешен свободный проезд во Францию через Владивосток. Однако империалисты стран Антанты приложили все усилия, чтобы сорвать это соглашение, и спровоцировали чехословацкий корпус на вооруженную борьбу против Советской власти.

вавшие в районе Оренбурга советские отряды оказались в тяжелом положении. На состоявшемся здесь 28 июня совещании было решено эвакуировать город: часть войск пошла на юг, другая, во главе с В. К. Блюхером и Н. Д. Кашириным,— на север, в индустриальные районы Урала, чтобы соединиться с действовавшими там частями Красной Армии и продолжать борьбу с интервентами и мятежниками.

Летом 1918 года молодая республика Советов оказалась в огненном кольце врагов. Наибольшая опасность грозила ей с востока, где были сосредоточены основные силы контрреволюции. Восточный фронт стал главным фронтом республики. По решению ЦК партии на фронт были направлены тысячи коммунистов, которые помогли укрепить командные кадры и партийно-политический аппарат, усилить политико-воспитательную работу в частях.

Одновременно в тылу врага создавались партизанские отряды. По призыву партии трудовой Урал встал на борьбу с неприятелем. Наибольшую опасность здесь представляла челябинская группировка белочехов. Заняв 26 мая город, интервенты двинулись к Троицку, на соединение с белоказаками. Председатель Троицкого Совета Я. В. Аппельбаум запросил помощи. В телеграмме Н. И. Подвойскому он писал: «В Троицке создано крайне тяжелое положение... Здесь крайне необходим Блюхер, хорошо знакомый с местностью и уже руководивший подавлением казачьего мятежа. Содействуйте приезду из Оренбурга в Троицк Блюхера».

В неравной борьбе Троицк пал. Все отступившие к Верхнеуральску части решено было объединить в

Троицкий отряд. Командиром его избрали казака Николая Дмитриевича Томина.

В Верхнеуральске партийный комитет формировал свой отряд под командованием Ивана Дмитриевича Каширина. 7 июля партизаны оставили город и направились в расположенный в горах Белорецк. Вскоре сюда прибыли из-под Оренбурга отряды В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина. 16 июля состоялось совещание командного состава отрядов для создания единого штаба и выработки плана совместных действий. Было предложено два плана: один — Николая Дмитриевича Каширина — прорываться через Верхнеуральск — Миас к Екатеринбург, другой — В. К. Блюхера — идти через горнозаводские районы на север. «Двигаясь по рабочим районам, — говорил он, — мы значительно усилим свои ряды за счет рабочих заводов, двигаясь же на Верхнеуральск, через районы, охваченные восстанием белоказаков, мы не достигнем своей цели». Однако большинство командиров высказались за план Н. Д. Каширина, который на этом совещании был избран партизанским главкомом. Через два дня партизаны тронулись в путь. У горы Извоз они разбили белоказаков и отбросили их за Верхнеуральск. Но дальнейшее наступление в этом направлении из-за недостатка сил пришлось приостановить и вернуться в Белорецк.

2 августа состоялось очередное совещание, которое должно было наметить новый план похода и избрать главкома, — Н. Д. Каширин был тяжело ранен под Верхнеуральском. Обсудив создавшуюся обстановку, руководители партизан единогласно приняли предложенный ранее план Блюхера и избрали его главкомом.

Первым делом он занялся реорганизацией партизанских отрядов и подготовкой их к длительному и

опасному походу по тылам врага. В результате была создана стройная система управления¹.

Одновременно по указанию главкома коммунисты развернули агитационную работу в отрядах. Тем, кто не верил в победу, кто сомневался в ней, предлагали вернуться домой.

В ночь на 5 августа Сводный уральский отряд покинул Белорецк. Через хребты Урала, лесные чащи и топкие болота Башкирии шла казачья беднота; шли русские, татары, башкиры, латыши, вотяки, мари-йцы. Вместе с ними — венгры, словаки, немцы, австрийцы — бывшие военнопленные, составившие позже интернациональную дружину. Со Сводным отрядом двигались раненые бойцы и семьи партизан, так называемый обоз беженцев.

Южноуральцам предстоял труднейший переход, полный опасностей. Но ничто не могло остановить разноплеменной армии Блюхера. Они были крепко спаяны не только непрерывными боями, но и верой в успешное завершение похода.

¹ Во главе Сводного уральского отряда стоял главком. Ему подчинялись командующие (командиры) отрядов: Верхнеуральского — И. Д. Каширин, Уральского — И. С. Павлицев и Троицкого — Н. Д. Томин. В отряды входили отдельные воинские части: в Верхнеуральский — Верхнеуральский и Белорецкий стрелковые полки, 1-й Верхнеуральский казачий кавалерийский полк и артбатарея. Командирами полков соответственно были назначены И. В. Погорельский, А. В. Пирожников и С. П. Галунов.

Уральский отряд состоял из 1-го Уральского стрелкового полка, отдельного Екатеринбургского эскадрона и Челябинской батареи. Командующий отрядом И. С. Павлицев являлся одновременно и командиром полка.

В Троицкий отряд входили 17-й Уральский стрелковый и 1-й Оренбургский казачий кавалерийский имени Степана Разина полки, артбатарея. Командирами полков соответственно были А. П. Кононов и А. Е. Карташев.

Утром 5 августа белогвардейцы узнали, что партизаны ушли из Белорецка. Командир Уральского корпуса генерал Ханжин пришел в ярость и в тот же день сообщил командующему Поволжским фронтом полковнику Чечеку, что им «организовано преследование и засады, чтобы не дать красным прорваться и выйти в долину реки Белой», и просил отрезать путь партизанам со стороны Уфы и Стерлитамака. Одновременно Ханжин приказал усилить преследование. «Нужно употребить все меры,— писал он,— к уничтожению отрядов Каширина и Блюхера, не обращая внимания на усталость частей. Отдых потом. Нельзя упускать благоприятную обстановку».

Преодолев горные хребты, совершив фланговый марш вдоль реки Белой на север, Блюхер вывел Сводный уральский отряд к Богоявленскому стекольному заводу (ныне Красноусольск). 16 августа партизаны двинулись дальше, к Архангельскому заводу. В арьергарде шел только что сформированный Богоявленский рабочий отряд под командованием М. В. Калмыкова. На Архангельском заводе к ним присоединился отряд во главе с В. Г. Дамбергом. Всего Сводный уральский отряд насчитывал теперь около 9 тысяч штыков и сабель.

Значительно усилился и противник. Он подтянул свежие силы и пытался уничтожить партизан на реке Сим. Генерал Ханжин приказал принять все меры, чтобы «красные не были допущены на правый берег р. Сим и ликвидированы здесь».

Положение партизан осложнялось крайне ограниченным запасом боеприпасов. В связи с этим В. К. Блюхер потребовал от всего командного состава внимательно следить за экономным расходом патронов и снарядов, обстреливать лишь группы, «отнюдь не допуская стрельбы по одиночным людям».

Казалось, что противник все сделал для успешного выполнения своего плана. Одни части преграждали путь южноуральцам с фронта на северном берегу реки Сим, другие должны были мощным ударом с тыла прижать их к ней.

Но Блюхер принял соответствующие контрмеры. Он приказал Уральскому и Архангельскому отрядам форсировать реку Сим, захватить плацдарм, построить мост и обеспечить переправу остальных частей. Другие отряды должны были задержать белых на двое-трое суток на рубеже рек Зилим и Белая. Для успешного выполнения поставленной задачи необходимо было отвлечь внимание неприятеля от направления главного удара, и Блюхер поручает отряду Томина произвести ложную переправу через Белую в районе деревни Шареево.

Однако враг опередил партизан и утром 19 августа перешел в наступление. На всех направлениях развернулись ожесточенные бои. Они продолжались 12 суток. Основной удар противник нанес со стороны Богоявленска. Четыре дня мужественно сражался здесь отряд Калмыкова.

Тем временем Уральский и Архангельский отряды форсировали реку Сим, захватили плацдарм и начали строить мост. К вечеру он был готов. Всю ночь переправлялись партизаны через реку. Белое командование стало спешно подтягивать резервы, чтобы сильным ударом сбросить южноуральцев в бурный Сим. Но главком упредил их. Дружно пошли партизаны в атаку. Одновременно кавалеристы ворвались в лагерь врага с флангов. В короткой схватке противник был смят и обращен в бегство.

В конце августа Сводный отряд вышел к Самаро-Златоустовской железной дороге восточнее Уфы. Неожиданное появление под Уфой крупных партизан-

ских сил вызвало панику в стане врага. Срочно была объявлена мобилизация «всех офицеров, подпрапорщиков, фельдфебелей, унтер-офицеров и соответствующих им званий, проживающих в Уфе». Противнику удалось подтянуть силы и окружить южноуральцев. Белое командование ликовало, но, оказалось, ликовало рано. Ничто не могло остановить красных партизан, хотя положение их оставалось тяжелым. Блюхер держал инициативу в своих руках. Производя перегруппировку отрядов по внутренним коммуникационным линиям, он наносил белым концентрированные удары в наиболее уязвимых местах и разбивал их по частям.

Высокое моральное состояние умножало силы партизан. «Во всех отрядах главным костяком,— говорил В. К. Блюхер,— были пролетарские части, состоявшие из рабочих Южного Урала. Значительную прослойку среди них составляли коммунисты. У всех была мечта как можно скорее соединиться с Красной Армией, влиться в ее ряды и вести дальнейшую борьбу с белыми за власть Советов».

Чтобы вырваться из белогвардейского кольца, необходимо было скорее прорваться через Самаро-Златоустовскую железную дорогу. Для этого Блюхер выделил три отряда: Архангельский, Верхнеуральский и Уральский. Основная задача возлагалась на Верхнеуральский отряд И. Д. Каширина. Богоявленский отряд М. В. Калмыкова и Троицкий Н. Д. Томина обеспечивали операцию с тыла.

Накануне во всех отрядах прошли партийные собрания и беседы, на которых обсуждалось обращение главкома. В нем он еще раз подчеркивал сложность и важность операции и призывал личный состав «приложить все усилия для выполнения поставленной задачи по прорыву, помня, что наша неудача

поставит нас в безвыходное положение, успех же сулит нам выход и соединение со своими войсками, обеспеченный тыл, налаженное довольствие и базу снабжения огнестрельными припасами».

Партизаны с нетерпением ждали приказа о наступлении. «Настроение у бойцов бодрое, рвутся перехватить железную дорогу,—вспоминал И. Д. Каширин.—Полки рассыпаны на исходных позициях. И стоило только бойцам увидеть Иглино и железную дорогу, как правофланговый батальон Белорецкого полка, несмотря на предупреждение ждать команды, самовольно поднялся и с криками «ура» пошел в наступление. Этот момент едва не оказался роковым для нашего отряда».

Подпустив белоречан на близкое расстояние, неприятель нанес им сильный фланговый удар. Батальон дрогнул и стал отступать. В донесении Блюхеру И. Д. Каширин просил немедленно прислать помощь.

С большим трудом под сильным огнем противника С. П. Галунов вывел свой полк из деревни и стал готовить его к атаке. Одновременно командир Белорецкого полка А. В. Пирожников с батальоном бросился на помощь своим отступающим бойцам. В ожесточенном бою ему удалось остановить противника. В это время во фланг и тыл неприятелю ударил полк Галунова. Сверкая клинками, красные кавалеристы сплошной лавой неслись на врага. Белоречане поднялись и стремительно двинулись в атаку с фронта. Удар был настолько сокрушительным, что белочехи и белогвардейцы не успели опомниться. В течение нескольких минут положение коренным образом изменилось. Бросая оружие, белогвардейцы бежали к железной дороге. Там, быстро погрузившись в вагоны, они двинулись в сторону Златоуста.

На участке Троицкого отряда, прикрывавшего партизан с тыла, действовавшему против него отряду полковника Курушкина удалось потеснить партизан. Отстреливаясь, они медленно отходили к хутору Михайловскому. Пулеметчики 17-го Уральского полка Ефим Кручинин и Леонтий Шестаков вдвоем остались в деревне Калтыманово, прикрывая отход своего батальона. Они знали, что в Михайловском находится штаб главкома, все имущество партизан, несколько тысяч беженцев, госпиталь. Уйти — значит открыть фронт, поставить под удар тяжело раненных товарищей. Тридцать минут сдерживали они пулеметным огнем натиск врага. Когда осталась последняя пулеметная лента, Ефим приказал своему помощнику уходить, а сам продолжал вести огонь до конца, пока вражеская пуля не сразила его.

Заняв Калтыманово, белогвардейцы двинулись к хутору Михайловскому. Они видели, как обозники спешно покидали его. Казалось, победа улыбнулась им. Но в это время Н. Д. Томин с двумя сотнями казаков бросился в атаку на левый фланг неприятеля. Удар был настолько внезапным, что противник не успел оказать сопротивление.

На протяжении сорока километров партизаны заняли и разрушили железную дорогу. На пять суток было прервано сообщение между Уфой и Златоустом. В «Уфе, — доносил И. Д. Каширин Блюхеру, — полная паника. Штаб выехал по направлению к Самаре, буржуазия разбежалась».

Командование белогвардейцев растерялось. Их войска под ударами партизан разлагались и отказывались воевать. «Группа красных, оперировавшая в районе ст. Иглино — дер. Зобово... видимо, уходит из-под наших ударов. Последнее противнику значительно облегчило бездействие полковника Колесни-

кова, находившегося до сего времени к востоку от р. Сим. По имеющимся данным, один из казачьих добровольческих полков этого отряда самовольно ушел в Верхнеуральск. Башкирская рота взбунтовалась и приведена под конвоем в Уфу. Под влиянием утомления среди частей отряда существует стремление прекратить боевые действия», — писал командующий Поволжским фронтом полковник Чечек 31 августа 1918 года.

Из белогвардейских газет партизаны узнали, что южнее Кунгура идут бои. Значит, там проходит линия фронта. Туда форсированным маршем и повел свою армию Блюхер, чтобы, воспользовавшись растерянностью неприятеля, как можно скорее переправиться через реку Уфу — последнюю преграду, отделяющую партизан от регулярных частей Красной Армии. Генерал Тимонов, возглавивший все действовавшие в том районе белогвардейские отряды, приказал 31 августа: «Противника во что бы то ни стало догнать и разбить». Белогвардейцы знали, что все переправы на реке Уфе уничтожены, поэтому надеялись сильным ударом с тыла прижать партизан к реке и разбить. Для более энергичного преследования начальникам колонн было приказано «мобилизовать все обывательские подводы и посадить пехоту на повозки, на которых следовать до предельного сближения с противником, когда уже начнется бой».

Утром 1 сентября Уральский отряд И. С. Павлицева, совершив 50-километровый марш, вышел к реке у села Красный Яр. Впереди — водная гладь шириной 200 и глубиной пять метров. Используя единственный паром, а также подручные материалы (бревна, доски, плоты), бойцы переправились на западный берег и закрепились.

К этому времени в районе Красного Яра сосредоточились главные силы партизан. Здесь на небольшом клочке земли, простреливаемом артиллерией, сгрудилась вся армия. Для переправы раненых и обозов пришлось строить мост. Без помощи местных жителей вряд ли удалось бы так быстро его построить. Они на лошадях подвозили к реке доски, скобы, бревна, веревки.

Белогвардейцы тоже торопились. Подтянув к переправе крупные силы, утром 2 сентября противник нанес удары с фронта и тыла. Два дня кипел бой. Два дня стоял сплошной гул орудий и не смолкали пулеметы. Это был последний, решительный бой.

Десант на западном берегу реки с трудом отбивал атаки врага. В донесении главкому И. С. Павлицев сообщал, что «противник непрерывно атакует части, бьет во фланг, пытается прижать к Уфе. С большим трудом сдерживаем напор. Опасаюсь за исход боя». Одновременно белогвардейцы теснят Троицкий отряд с тыла. Левее их Богоявленский и Архангельский отряды ведут бои с колонной белых,двигающейся наперерез — к Красному Яру. Положение отчаянное.

В резерве у главкома один Верхнеуральский отряд. В. К. Блюхер решает переправить его на западный берег Уфы, разбить там противника и расчистить путь для партизанской армии. Это единственно правильный выход из создавшегося положения. В ночь на 3 сентября верхнеуральцы переправились через реку.

В полдень 3 сентября мост был готов. Но главком медлил с переправой. На обоих берегах реки шли ожесточенные бои. Каждый час командиры отрядов сообщали тревожные вести и требовали боеприпасов. О людях они молчали, потому что знали, что у главкома нет резервов.

Наибольшую опасность представляла группировка белых, двигавшаяся из Уфы по западному берегу реки. Она стремилась прорваться к переправе. Весь день здесь шел упорный бой. Наконец противник стал выдыхаться. А в это время разведчики установили, что белогвардейцы слабо охраняют свой левый фланг. И. Д. Каширин решил воспользоваться беспечностью врага и направил в тыл ему конный отряд во главе с Ф. А. Вандышевым. Удар был внезапным. В рядах противника поднялась паника. Белорецкий и Верхнеуральский отряды, воспользовавшись этим, перешли в наступление с фронта. Дружной атакой партизаны смяли белогвардейцев и обратили их в бегство. «В результате этого боя,— отмечал главком,— был полный разгром группировавшегося здесь противника, потерявшего много убитыми и пленными. По предварительному подсчету, в наши руки здесь попало три орудия в полной исправности, 200 снарядов, 8 пулеметов, много винтовок, патронов и 200 пленных».

Пленные оказались насильно мобилизованными татарами. Партизаны разоружили их и предложили разойтись по домам. Те удивились: почему это большевики не сдирают с них живых кожу, как говорили им белые офицеры? Тогда блохеровцы спрашивают их, за что они воюют и кого защищают. Татары мнут-ся. Помня наказ офицеров, в один голос отвечают:

— За единую неделимую Россию.

Дружно рассмеялись красные бойцы:

— А вам какая от нее, от этой неделимой России, польза-то? Офицерами или губернаторами будете?

— Где там! Только бы живыми уйти.

— Идите к нам, будем вместе воевать.

Слушают татары и не верят своим ушам. Долго думают и наконец решают остаться с партизанами.

Из них сформировали отдельную роту, включив ее в состав Белорецкого полка.

Своими победами 3 сентября партизаны еще раз показали врагу, что он не в силах преградить им путь.

Это был заключительный аккорд многодневной битвы красных партизан с белогвардейцами и бело-чехами.

Пройдя 200 километров по Кунгурскому тракту на север, партизаны 11 сентября подошли к селу Аскино. Здесь от местных жителей они узнали, что в соседней Тьюноозерской волости действуют части Красной Армии. Установить связь с нашими частями В. К. Блюхер поручил помощнику начальника штаба Троицкого отряда коммунисту В. С. Русяеву. Вечером Василий Константинович вызвал его к себе и долго беседовал, давая подробные указания, как действовать. Советские войска не знали о существовании партизанских отрядов и могли принять их за белых. Чтобы избежать ненужного кровопролития, надо действовать осторожно.

— Я думаю,— сказал в заключение беседы В. К. Блюхер,— лучше всего сделать это так: завтра утром возьмите с собой сотню казаков; это на тот случай, если вместо красных неожиданно встретятся белые. Для того чтобы советские войска могли отличить вас от белогвардейцев, соберите все знамена отряда и везите их в голове эскадрона, к древкам пик прикрепите длинные кумачовые полотнища.

На рассвете 12 сентября красный отряд отправился на разведку в деревню Тьюно-Озерск. В это же время командир регулярного 1-го Советского Бирского полка 3-й армии Ф. Воробьев приказал командиру 6-й роты «с утра 12 сентября повести наступление в направлении Тьюно-Озерск — Аскино и, если возможно, занять Аскино, оставив полувзвод боеви-

ков в Тюйно-Озерске». Тюйно-Озерск оказался между двух огней. Красноармейцы первыми прибыли туда. Через некоторое время подошла и партизанская сотня с красными знаменами. В. С. Русяев выслал парламентаров с белым флагом. Красноармейцы обстреляли их, приняв за белогвардейцев. Русяев, развернув сотню, повел ее в атаку. Полувзвод 6-й роты (15 бойцов) стал отходить. Партизаны догнали его. Долго доказывали, что они красные партизаны и теперь вышли на линию фронта. Им не верили. Тогда Русяев предложил его с четырьмя бойцами отвезти в ближайший штаб. Командир батальона тоже не поверил. Связавшись по телефону с командиром полка Воробьевым, он сообщил, что «у него сейчас в штабе разговаривают с ним пять человек хорошо вооруженных людей, вид у них чрезвычайно подозрительный, говорят, идут на Кунгур, но люди советские. Оружия они не применяют, но в Кунгуре пусть приготовятся».

Воробьеву ничего не было известно о В. К. Блюхере и его партизанской армии. Опасаясь провокации, он потребовал, чтобы Русяев написал официальный рапорт. Взяв лист бумаги, Виктор Сергеевич тут же стал писать: «Довожу до вашего сведения, что по тракту через село Аскино идут советские отряды, состоящие из Троицкого, Верхнеуральского, Богоявленского, Архангельского и Уральского отрядов. Главком всех отрядов — Василий Константинович Блюхер, в мае посланный под Оренбург с Уральским полком. Предлагаю вам установить с нами телефонную связь, для чего исправьте на всем протяжении телефонную линию. Сообщите, имеется ли связь с центром и можно ли переговорить по телефону и откуда? О всем сообщите немедленно».

Начальник только что созданной 5-й Уральской

дивизии, бывший начальник штаба Троицкого гарнизона С. С. Шванский, прочитав рапорт, написал: «Блюхера и Русяева лично знаю», — и приказал срочно установить связь.

Короткий осенний день был на исходе, когда Виктор Сергеевич, сияющий от радости, коротко доложил главкому:

— Все в порядке. Связь установлена.

Вся страна заговорила о подвиге южноуральских партизан. Три месяца они пробыли в тылу врага, громя белогвардейцев и внося смятение в их ряды. Три месяца о них ничего не было известно. Душевной теплотой проникнуты слова секретаря Уральского областного комитета партии Ф. И. Голощекина, обращенные к Блюхеру: «Приветствую вас, родной. Весь пролетарский Урал сердечно радуется вашему появлению. Искренне говорю вам, что все время мы думали, гадали, где вы, и ждали чуда — вашего появления».

Со всех концов Советской России в адрес партизан поступали многочисленные приветствия. «Ваши геройские подвиги не будут забыты свободной Родиной, — говорилось в приказе Реввоенсовета республики. — Высший Военно-Революционный Совет Республики приносит вам, славные солдаты отряда Блюхера, и вашему бесстрашному командиру т. Блюхеру горячую благодарность и выражает надежду, что скоро увидит вновь вас, оправившихся от тяжелых боев, в рядах своих революционных войск и вновь услышит о ваших великих подвигах».

Легендарный рейд южноуральских партизан — яркий пример революционного творчества народных масс. Герои этой знаменитой эпопеи — рабочие и трудовое казачество Южного Урала — показали образцы сознательности, организованности и дисциплины.

Мощной неудержимой лавиной прошли они по тылам врага от Оренбурга до Кунгура, сметая на своем пути многочисленные части интервентов и белогвардейцев, внося смятение и дезорганизацию в их ряды.

Героические действия южноуральских отрядов в тылу врага сыграли большую роль в общей борьбе советского народа с белогвардейцами и интервентами в 1918 году. Они отвлекли на себя значительные силы врага, чем оказали помощь советским войскам Восточного фронта.

* * *

К осени 1918 года общими усилиями Коммунистической партии, Советского правительства и широких народных масс Восточный фронт был реорганизован и укреплен. Прибывшее партийно-пролетарское пополнение принесло с собой дух бодрости, железной стойкости и веры в победу. Это дало возможность не только остановить наступление противника, но и перейти в конце августа в контрнаступление. Войска фронта под командованием И. И. Вацетиса в короткий срок освободили Казань, Симбирск и успешно продвигались вперед. Лишь на участке фронта 3-й армии, которой командовал Р. И. Берзин, сложилась довольно трудная обстановка.

Стремясь взять реванш за поражение под Казанью и Симбирском, противник упорно пытался захватить Пермь, а затем, двигаясь вдоль железной дороги на Глазов и Вятку, прорваться на соединение с англо-американскими интервентами, действовавшими на Советском Севере.

В упорных боях силы 3-й армии таяли. От начальников дивизий все чаще поступали просьбы о помощи, но командарм отвечал, что он не имеет резервов и не может чем-либо помочь. Поэтому неожиданное появ-

ление закаленных в боях партизанских полков было как нельзя более кстати.

В разговоре с Ф. И. Голощекиным В. К. Блюхер просил его «помочь как можно скорее получить патроны, снаряды, верхнее обмундирование... Все это просим заготовить ко времени нашего подхода к Кунгуру, дабы не задерживать выполнение боевой задачи, какая выпадет на нашу долю».

Не об отдыхе беспокоились партизаны и их главнокомандующий, а о том, чтобы «не задерживать выполнение боевой задачи».

20 сентября приказом по 3-й армии части Сводного уральского отряда были реорганизованы в бригады и включены в состав 4-й Уральской дивизии. Начальником дивизии был назначен В. К. Блюхер, его помощником — Н. Д. Каширин, комиссаром — А. Л. Борчанинов. Командиры отрядов — И. Д. Каширин, И. С. Павлицев и Н. Д. Томин стали командирами бригад.

Пополненная партизанами, дивизия получила боевой приказ — остановить наступление противника на кунгурском направлении, перерезать Западно-Уральскую железную дорогу в районе станции Шемаха и помочь 3-й Уральской дивизии преградить путь белогвардейцам на Пермь.

В обращении к бойцам 4-й Уральской дивизии В. К. Блюхер выразил уверенность в том, что они, обогащенные боевым опытом, покажут врагу, как надо воевать. Обращение обсуждалось во всех подразделениях. Выступавшие призывали красноармейцев не посрамить честь партизанскую.

24 сентября в бой пошли бывшие партизаны. Отразив все атаки противника, они перешли в наступление, мощным ударом смяли врага и двинулись вперед, занимая один населенный пункт за другим.

27 сентября они освободили Молебский, 30-го — Иргинский заводы, а 2 октября — город Красноуфимск.

Наращивая удары, 4-я Уральская дивизия отбросила противника за линию рек Сылва, Батам, Бисерть. Теперь уже белогвардейцы запросили помощи. 1 октября командующий Екатеринбургской группой генерал Гайда доносил главкому, что красные, «усилившись отрядом Блюхера и Каширина, на красноуфимском направлении теснят Иркутскую дивизию. Срочно необходима ей помощь».

Своим контрударом 4-я Уральская дивизия несколько укрепила позиции 3-й армии, но положение ее все же оставалось тяжелым: она по-прежнему нуждалась в серьезном пополнении людьми и вооружением.

Тем временем противник подтянул резервы и перешел в наступление. 9 октября генерал Гайда писал: «Мне поставлена задача взять гор. Пермь. Я решил нанести удар противнику на кунгурском направлении, на прочих же — лишь сдерживать противника».

В разгоревшихся ожесточенных боях бывшие партизанские полки Блюхера сорвали план неприятеля.

14 ноября Богоявленский и 1-й Уральский полки завязали бой за Молебский завод. Он продолжался двое суток. Ни отчаянное сопротивление врага, ни сильные укрепленные позиции не смогли сдержать их бурного натиска. Вся армия следила за ходом сражения. Наконец Молебский завод взят. «Орлы Урала! — говорилось в приветствии Реввоенсовета 3-й армии. — Вы с гордостью можете сказать, что исполнили свой долг перед революцией. Ваши мужество и стойкость послужат примером для других частей».

Так сражались и защищали завоевания Великого

Октября бойцы 4-й Уральской дивизии под командованием В. К. Блюхера¹.

Большое внимание начдив уделял организации партийно-политической работы. Вместе с военными комиссарами дивизии А. Л. Борчаниновым и О. Ю. Калниным Василий Константинович добивался, чтобы все коммунисты были активными агитаторами и в то же время служили примером в бою. В конце октября в дивизии стала издаваться многотиражная газета «Красноармеец», пользовавшаяся большой популярностью у бойцов и командиров.

В ноябре была проведена первая дивизионная партийная конференция, рассмотревшая вопросы усиления партийно-политической работы среди бойцов и местного населения.

Конференция направила следующее приветствие В. И. Ленину: «Нами, рабочими, крестьянами и трудовым казачеством, непрерывно находящимися в боях с врагами мирового социалистического строя, руководит одна общая с Вами воля к победе рабочего класса, воля к всемирной социалистической революции».

Выступившие на конференции делегаты говорили о росте влияния коммунистов, об укреплении воинской дисциплины.

Всего партийные организации дивизии насчитывали к этому времени свыше 2500 членов партии и 730 сочувствующих.

Присутствовавший на конференции помощник

¹ 11 ноября она была переименована в 30-ю стрелковую дивизию. Впоследствии за освобождение Иркутска ей было присвоено наименование «Иркутская», а за героический штурм чонгарских укреплений в Крыму — имени ВЦИК.

главного политического комиссара 3-й армии Н. Г. Толмачев дал высокую оценку ее работе.

Решения конференции нашли широкий отклик в частях. Так, в резолюции партийного собрания 1-го Красноуфимского полка говорилось, что коммунисты не сложат оружия до тех пор, «пока ни одной белогвардейской сволочи не останется на территории Российской Социалистической Республики. Пусть знает вся эта стая черных воронов, что мы умеем защищать интересы трудового крестьянства, пролетариата и власть Советов». Эту клятву красноуфимцы и вся дивизия выполнили с честью не только в годы гражданской войны, но и во время Великой Отечественной.

В дивизии дела налаживались, а тут так некстати у Василия Константиновича открылись старые раны. Для лечения ему предоставили отпуск. Но как трудно расставаться с бойцами, с которыми делил трудности войны, горечь неудач и радость побед! И не случайно перед отъездом на родину он обратился к ним с такими словами: «Я с грустью расстаюсь с вами, дорогие товарищи... Уезжая, я душой остаюсь с вами. Дни боевого счастья будут моими днями, и уверен, что по возвращении встречу в вас тот же бодрый дух, ту же тесную семью, которую не поколеблют никакие испытания суровой борьбой за счастье пролетариата».

Вернулся Блюхер на фронт в середине декабря 1918 года, в разгар ожесточенных боев за Кунгур и Пермь¹, и сразу направился туда, где было всего труднее.

¹ За это время в стане врагов произошли большие изменения. В ночь на 18 ноября в Омске был совершен переворот и установлена военная диктатура во главе с адмиралом Колчаком. Придя к власти, Колчак по указке англо-американских интервентов развернул энергичную подготовку к

Стояли сильные морозы, а бойцы не имели теплого обмундирования. Из-за глубокого снега передвижение частей крайне затруднилось. Белогвардейцы же, имея лыжный батальон, легко маневрировали в нужных направлениях. Несмотря на все это, советские бойцы мужественно дрались, защищая каждый населенный пункт.

На помощь Особой бригаде, с которой взаимодействовала 30-я дивизия, В. К. Блюхер направил 1-й морской Кронштадтский полк. В ходе боя противник почти полностью окружил их, но они не воспользовались узким проходом и не оставили своих позиций. «В районе Березовой Горы бой достиг высокого напряжения,— доносил В. К. Блюхер.— Моряками отбито шесть яростных атак. Предпринятый неприятельскими лыжниками обход нашего левого фланга не имел успеха». В деревнях Верхние и Нижние Исады изнуренные моряки вновь были окружены и в неравной схватке погибли¹.

Тогда начдив бросил в бой свой резервный Белорецкий рабочий полк под командованием А. В. Пирожникова. Вспоминая об этом, Алексей Викулович

наступлению для соединения с их войсками, действующими на Советском Севере. Они помогли адмиралу хорошо вооружить и обмундировать его войска. С рассветом 29 ноября колчаковцы нанесли сильный удар по Особой бригаде и 29-й дивизии, прикрывавшим Пермь, и стали теснить их к городу.

¹ Ныне о той жестокой схватке напоминает установленный на месте боев гранитный обелиск с тремя краснофлотцами на переднем плане и красной звездой наверху. На постаменте выгравировано:

...Этих дней не смолкнет слава...
Вечная память матросам
Первого Кронштадтского полка,
павшим в бою
за Советскую власть.

писал: «Подъезжая к Сосновке, я увидел, как Блюхер старался задержать отходящие части. Вид у него был грозный. К тому времени подоспел наш полк, развернулся и с ходу пошел в атаку. Бойцы вырвались вперед. И вдруг видим — противник идет на «ура». Схватка была короткой. Белогвардейцев сбили и отбросили на 20 километров. Блюхер сделался совсем другим человеком. Он не знал, что делать от радости, — так неожиданно и героически разбили мы противника. Блюхер бросился меня целовать. Он не знал, как выразить свои чувства, он видел во мне не меня, Пирожникова, а весь полк».

Одержанная победа дала возможность начдиву привести войска в порядок и планомерно отвести их к Кунгуру. Семь дней они сдерживали непрерывные атаки противника, обеспечивая эвакуацию города. 19 декабря белогвардейцы прорвались к Кунгуру. Создалось критическое положение: не хватало сил, чтобы отразить натиск врага. Все командование 30-й дивизии во главе с Блюхером находилось на самых опасных участках. «Под Болезином выходим мы на дорогу и встречаемся с Блюхером, — рассказывал командир 1-й Красноуфимской бригады И. К. Грязнов. — «А мы к вам пришли», — спокойно говорит он. Во всех катастрофических случаях Блюхер всегда выезжал на угрожаемый участок, разбирал и распутывал дела и всегда находил выход из любого казавшегося безвыходным положения».

Тем не менее положение с каждым днем ухудшалось. Резервы истощались. «Бойцы сильно устали от непрерывных боев, — доносил Василий Константинович, — ужасно страдают от холода и голода, опухли, глаза покраснели». Обстановка на фронте сложилась настолько серьезная, что 21 декабря он решил оставить Кунгур и вывести дивизию из-под удара про-

тивника. Вслед за Кунгуром в ночь на 25 декабря пала Пермь.

Блюхер в это время спешно проводил реорганизацию своих частей. Он вывел из боя и расформировал малочисленные 5-ю, 6-ю и Архангельскую бригады, личный состав их направил на пополнение других частей дивизии. В результате улучшилось управление и значительно увеличилось число активных штыков.

В начале января по фронту дивизии шли ожесточенные бои. Некоторые населенные пункты по четыре-пять раз переходили из рук в руки. Основные удары неприятель наносил по флангам 30-й дивизии вдоль трактов Пермь — Оханск и Кунгур — Оса. Все попытки неприятеля пробиться к Оханску были успешно отражены 3-й бригадой во главе с И. С. Павлицевым.

Наиболее напряженная обстановка создавалась на правом фланге в районе Осы. Против одного действующего здесь 1-го Красноуфимского полка противник бросил целую дивизию, поставив ей задачу — смять красноуфимцев, захватить город и с ходу форсировать Каму.

Развернулись многодневные кровопролитные бои. Но белогвардейцы так и не смогли сломить упорство красноуфимцев и овладеть Осой. Их обескровленные части вынуждены были перейти к обороне.

Неожиданно в руки наших разведчиков попал приказ командира 1-го Сибирского корпуса генерала Пепеляева, в котором он ставил своим войскам задачу разбить левофланговые части 30-й стрелковой дивизии и захватить Павловский и Очерский заводы. Для этой цели противник сосредоточил в селе Дворецком свою гвардию — штурмовые батальоны.

Блюхер решил предупредить наступление неприятеля и первым нанести ему внезапный удар, но для этого

по приказу Василия Константиновича красноуфимцам пришлось совершить при сильном морозе стокилометровый марш с правого фланга на левый и заполнить образовавшийся разрыв между 29-й и 30-й дивизиями. «Блюхер требовал от меня,— писал командир 1-й Красноуфимской бригады И. К. Грязнов,— в кратчайший срок, любыми силами, в любом составе выйти в Очерский завод и ликвидировать разрыв».

Вечером 18 января они прибыли к месту назначения, а утром без отдыха должны были идти в наступление. Решительные действия наших бойцов принесли им полный успех. В жестоком бою белогвардейские войска были наголову разбиты. «Под селом Дворецким,— вспоминал впоследствии И. К. Грязнов,— мы столкнулись со штурмовиками, которые до этого не знали поражений. Они победоносным маршем прошли от Кунгура и сражались исключительно отчаянно. У них была своя тактика — никогда не ложиться, что производило сильное впечатление... Но «психическая атака» мало действовала на блюхеровцев. После боя от белой гвардии остались жалкие остатки».

Вскоре в наступление перешла вся 3-я армия. В упорных боях она вырвала инициативу у врага. В телеграмме Реввоенсовета фронта от 24 января сообщалось, что «второй день 29-я и 30-я дивизии успешно продвигаются вперед, гоня перед собой противника, который только накануне указывал в своих приказах, что перед ним разложившиеся части 3-й армии».

31 января 1919 года Блюхер был назначен заместителем командующего 3-й армией. С 3 апреля он одновременно стал исполнять обязанности коменданта Вятского укрепленного района.

Командование 4-й Уральской стрелковой дивизии:
Н. Д. Каширин, А. Я. Леонтьев, В. К. Блюхер,
Р. П. Вайнян, Н. Д. Томин, Н. В. Баранов. 1918 год

В. К. Блюхер

А. Лапин, В. Блюхер, М. Губельман, Б. Мельников среди командиров штаба Восточного фронта ДВР

Сунь Ят-сен и В. К. Блюхер

В. К. Блюхер, М. И. Калинин, И. Ф. Федько и А. Ф. Горкин среди награжденных командиров и политработников ОКВДВА. 1938 год

Дети В. К. Блюхера — Всеволод (стоит), Ваира, Василий (второй ряд), Зоя (сидит справа) — и племянница Нина

Это назначение было вызвано сложной обстановкой, создавшейся в то время. В начале марта 1919 года колчаковцы перешли в наступление. На левом фланге Восточного фронта они заняли Оханск, Осу и двинулись к Глазову.

Для создания прочной обороны Главное командование Красной Армии решило соорудить в тылу Восточного фронта целую систему укрепленных районов. В ней особое место отводилось Вятскому укрепленному району. Он должен был прочно закрепить левый фланг Восточного фронта и не допустить соединения колчаковцев с англо-американскими интервентами.

И на этом незнакомом для него поприще Василий Константинович проявил себя с самой лучшей стороны. «Прибытие Блюхера в укрепленный район почувствовалось быстро,— вспоминает генерал-лейтенант в отставке К. Ф. Телегин.— Началось ускоренное строительство оборонительных позиций, установка батарей и оборудование пулеметных гнезд». В короткий срок вместе с инженерами он разработал и представил на утверждение оригинальный план строительства укреплений. «В этом плане,— писал В. К. Блюхер,— при сравнительно небольших гарнизонах и при небольшой подготовке в инженерном отношении все крупные и узловые пункты будут в наших руках и не будут под угрозой удара и занятия их противником. Подступы с восточной и юго-восточной стороны отличаются бездорожьем и болотистой местностью, что в высшей степени затруднит движение противника».

Целыми днями находился Василий Константинович в поле, лично проверял ход строительства наиболее важных объектов, того же требовал и от подчиненных. Большую помощь в строительстве укреплений оказывало местное население.

Обстановка была тревожной, и надо было спешить. Враг медленно, но все же продвигался к Вятке. 3 июня он занял Глазов. На следующий день В. И. Ленин в телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта писал: «Крайне обеспокоен потерей Агрыза и особенно Глазова. Приняли ли экстренные меры?»

Меры были приняты. В. К. Блюхер формировал в Вятке маршевые роты и направлял их на усиление действующих частей. Ежедневно он выкраивал время, чтобы побывать на сооружаемых объектах.

Василий Константинович считал непреложным правилом лично контролировать ход строительства и требовал от подчиненных «возможно чаще посещать участки, на которых производятся работы, и стремиться в самом же начале работы вносить все изменения и поправки, имея в виду, что при заключительном этапе всякие изменения в них являются уже более затруднительными и потребуют излишнего расхода рабочей силы».

Как начальник гарнизона, В. К. Блюхер заботился о сохранности исторических памятников и архивов Вятской губернии. 4 мая 1919 года он отмечал, что «за последнее время, в связи с разгрузкой города Вятки и занятием помещений воинскими частями, было несколько случаев разгрома архивов учреждений города Вятки. Архивы составляют народное достояние и являются памятниками культурной истории края, поэтому объявляю, что впредь за всякую попытку к разгрому или расхищению архивов виновные будут привлекаться к уголовной ответственности по законам военного времени».

В середине июня оборудование Вятского укрепленного района в основном было закончено. К этому времени войска Восточного фронта под командованием М. В. Фрунзе нанесли тяжелое поражение Колчаку

и успешно продвигались вперед. 1 июля 3-я армия освободила Пермь и Кунгур. Дальнейшее наступление требовало укрепления левого фланга фронта, — он был открыт и мало обеспечен войсками.

В связи с этим было решено создать здесь новую, 51-ю стрелковую дивизию и поставить во главе нее В. К. Блюхера.

Формирование дивизии¹ проходило как раз в те дни, когда войска Восточного фронта, развивая успешное наступление, перевалили через Уральский хребет и двинулись в глубь Сибири для окончательного разгрома Колчака.

Личный состав дивизии состоял в основном из рабочих Северного Урала, имел большую партийную прослойку и был закален в многочисленных боях с врагом.

Обращаясь к бойцам дивизии, Василий Константинович призвал их «приложить все усилия к тому, чтобы она в ближайший срок оказалась на должной высоте как по своей боеспособности, так и по полному осознанию великих задач, возлагаемых на нас трудящимися. Строгая организация и твердая революционная дисциплина в рядах, а также дружное сотрудничество есть залог успеха и боевой мощи».

Особенно большие надежды начдив возлагал на коммунистов. «На вас, на железное ядро дивизии, мы всегда рассчитываем и опираемся и надеемся в каждом из вас встретить достойного вожака масс».

Став на краю левого фланга Восточного фронта, имея справа 29-ю дивизию, а слева — бесконечную тундру, 51-я пошла вперед. Свой славный боевой путь начала она от Тюмени и дошла до Байкала.

¹ В состав дивизии вошли части Особой бригады 3-й армии, Северного экспедиционного отряда и крепостной бригады Вятского укрепленного района (151, 152, 153-я бригады).

Отбросив две лучшие дивизии Колчака, дивизия 20 августа вышла к реке Тобол и с ходу форсировала ее. Развивая наступление, 454-й полк 51-й дивизии под командованием И. В. Боряева переправился через Иртыш и к вечеру 4 сентября занял Тобольск. Василий Константинович поздравил бойцов с первой крупной победой: «Бесконечно рад, что эта победа получена от старых родных для меня уральцев».

Преследуя противника, полки 152-й бригады двинулись вверх и вниз по обоим берегам Иртыша, а 151-я бригада во главе с В. К. Блюхером шла по лесам и болотам к реке Ишим. Осенние дожди испортили дороги, обозы отставали, пулеметы и боеприпасы бойцы несли на себе, вода и грязь просачивались в рваные сапоги и лапти, изношенные шинели промокали насквозь, начал свирепствовать тиф, нарушилась связь со штабом дивизии, оставшимся в Тюмени. Но бойцы, вдохновляемые своим начдивом, упорно шли вперед, громя врага и совершая беспримерные подвиги¹.

В сентябре 1919 года Колчак предпринял последнюю попытку остановить победоносное шествие советских войск. Целый месяц шли кровопролитные бои между двумя сибирскими реками — Тоболом и Ишимом, в ходе которых 5-я армия вынуждена была отойти за Тобол.

Вслед за тем колчаковские войска нанесли удар по войскам 3-й армии. Наступая вдоль железной дороги Ишим — Тюмень, они при поддержке бронепоездов отбросили 29-ю дивизию к Ялуторовску и вышли в тыл 151-й бригаде. Уверенный в стойкости своих

¹ Так, разведчик 451-го стрелкового полка П. Я. Кашин не раз проникал в логово противника и доставал ценные документы и сведения, за что был награжден орденом Красного Знамени.

частей, В. К. Блюхер решил продолжать движение к Ишиму — прямо в тыл врага. Еще один удар — железная дорога — главная коммуникация противника — будет перерезана.

Почувствовав опасность, белые оттянули часть своих сил назад и бросили их против 151-й бригады. Одновременно неприятельская флотилия при поддержке 10 самолетов и корабельной артиллерии обрушилась на 152-ю бригаду. Красноармейцы не выдержали и оставили Тобольск.

Вражеская флотилия с крупным десантом на борту двинулась вверх по Тоболу, имея задачу соединиться со своими войсками в районе Ялуторовска, окружить 51-ю дивизию и выйти в тыл войскам 3-й армии. Белогвардейцы рассчитывали, что блюхеровцы будут прорываться кратчайшим путем через леса и болота, попадут под фланговый удар и будут разбиты. Как только Колчаку доложили, что Тобольск взят и флотилия двинулась вперед, он немедленно выехал на фронт, чтобы лично присутствовать при разгроме частей Блюхера. «Адмирал, — писал сопровождавший его управляющий делами Гинс, — явно предвкушал удовольствие удачной и верной операцией».

Однако В. К. Блюхер смелым маневром спутал все карты адмирала. 30 сентября он собрал в районе слободы Ашлыкской остатки 151-й бригады, около 2 тысяч бойцов при 12 легких орудиях, создал ударную группу и во главе нее двинулся на Тобольск, в тыл Колчака. Такого поворота белогвардейцы не ожидали. Нужны были смелость, глубокая вера в бойцов, чтобы в крайне неблагоприятной обстановке пойти на такой рискованный шаг.

Василий Константинович призвал бойцов приложить «все силы и энергию в выполнении поставленной задачи, твердо помня, что только быстрое и энер-

гичное выполнение операции обеспечивает успех». Блюхеровцы двинулись по реке Вагай на север к Иртышу. Белогвардейцы не ожидали их в этом направлении. 5 октября группа подошла к Тобольску. Пленные показали, что в городе сосредоточены крупные силы, мост охраняют военные корабли. Блюхер решил не ввязываться в бой, а двинуться по восточному берегу Тобола на юго-запад.

Белогвардейцы сумели подвезти по Иртышу свежие силы и окружить группу плотным кольцом. Их самолеты сбросили тысячи листовок с призывом сложить оружие. В ответ красные бойцы еще теснее сплотили свои ряды. 7 и 8 октября были наиболее трудными днями. Накануне начдив провел совещание командного состава. Он обрисовал создавшуюся обстановку и приказал нанести удар на юг, разорвать кольцо и выйти из окружения.

На рассвете 8 октября красноармейцы пошли в атаку. Противник бросил против них целую дивизию. Пришлось перейти к обороне. Ряды красных бойцов таяли. Многие раненые вернулись на линию боя. Атаки белогвардейцев следовали одна за другой. Бойцы изнемогали от усталости и голода, но верили, что начдив найдет выход из положения. К вечеру бой достиг наивысшего напряжения. Отряд задыхался в железных тисках. Кончались патроны и снаряды. Положение становилось критическим.

После некоторого раздумья В. К. Блюхер решил-ся на крайнюю меру. Вызвав командира батальона 453-го полка С. Д. Горшкова, он приказал ему обойти по считавшимся непроходимыми болотам левый фланг противника и атаковать его с тыла.

Два часа 200 бойцов шли по пояс в воде. Наконец они выбрались на берег, поставили четыре пулемета и под их прикрытием бросились в атаку.

Громкое «ура» разнеслось по болотам и окрестным лесам. Белогвардейцы, однако, вскоре опомнились и двинулись в контратаку. Выручили пулеметы: вражеские цепи попали под прицельный огонь. В рядах противника началось замешательство. Этим воспользовался Горшков. Он поднял бойцов в штыковую атаку. Завязался бой.

Услышав ружейно-пулеметную стрельбу за линией фронта, Блюхер немедленно приказал атаковать врага. Забыв про усталость, бойцы дружно рванулись вперед, смяли противника, разорвали вражеское кольцо и 10 октября соединились с основными силами 51-й дивизии.

Своим маневром начдив-51 не только расстроил план Колчака, но и нанес ему большой урон. Фланговый удар по тылу 3-й армии был сорван. Даже белогвардейцы вынуждены были признать полководческий талант В. К. Блюхера¹. «Советский генерал

¹ Генерал-лейтенант К. Ф. Телегин вспоминает: «В листовках обещалась награда золотом тому, кто доставит Блюхера белому командованию. Один пленный показал, что захват начдива ставился целью операции нескольких полков. Но наши воины заботливо оберегали своего начальника». Колчак обещал выдать «30 тыс. рублей тому, кто доставит его (Блюхера) перед офицерские очи живым, или 15 тыс. рублей за его труп». В ответ на это неизвестный автор написал стихотворение, получившее широкое распространение в войсках:

Все говорили, что умный адмирал Колчак,
А он оказался полнейший дурак,
Послушайте, что поет:
Тридцать тысяч за Блюхера дает.
За живого,
Конечно, на ногах,
Хоть босого,
Хоть в сапогах.
А за убитого сбавляет,
Сам же большевикам и цену набавляет.
А ведь мы за самого Колчака и Дутова
Не дадим и гроша дутого.

Блюхер тоже из рабочих,— писал Гинс.— О нем мы много раз слышали в пути. Крестьяне рассказывали, что всегда при трудных обстоятельствах красные говорили о Блюхере: «Он выручит», «Он нас не выдаст». И действительно выручил».

В середине октября 1919 года войска Восточного фронта вновь перешли в наступление. 22 октября пополненная 51-я дивизия вновь вступила в Тобольск.

В эти дни Блюхер получил новое задание: разгромить северную группировку противника, отходившую по Иртышу к Омску.

Лесными тропинками по глухой сибирской тайге двинулись вперед полки 51-й дивизии. Навьюченные грузом лошади с трудом продирались через лесную чащу. Большую часть продовольствия и боеприпасов бойцы несли на себе. Преодолев огромное расстояние, они 11 ноября лихим налетом заняли город Тюкалинск, через день освободили город Тару и устремились к столице Колчака — Омску. Всего на несколько часов опередили их бойцы 27-й и 30-й стрелковых дивизий.

Остатки разгромленной армии «верховного правителя» уходили в Забайкалье, где В. К. Блюхеру пришлось добивать их через два года.

В конце декабря 1919 года 51-я дивизия сосредоточилась в районе Новониколаевска (Новосибирск). Город казался мертвым: предприятия не работали, не хватало продовольствия и топлива, тиф косил жителей. Как начальник гарнизона В. К. Блюхер делал все возможное, чтобы в короткий срок восстановить жизнь города и ликвидировать эпидемию.

В марте 1920 года в Красной Армии в некоторых дивизиях, начальниками которых были опытные коммунисты, вводилось единоначалие. Одним из первых таких начдивов стал В. К. Блюхер. Командир-

единоначальник получал большую свободу действий: он теперь отвечал не только за оперативно-тактическую деятельность вверенных ему частей, но и за партийно-политическую работу.

В апреле 1920 года 51-я дивизия была переброшена к берегам Байкала, где она приняла активное участие в восстановлении Черемховских угольных копей и в проведении весенних полевых работ.

Вместе с тем Василий Константинович мобилизует партийные организации на развертывание массово-политической и культурно-воспитательной работы с личным составом, принимает энергичные меры к укреплению партийных ячеек во всех частях и направляет их деятельность на укрепление воинской дисциплины и повышение боевой подготовки.

Большое значение придавал В. К. Блюхер повышению классовой сознательности бойцов. «Надо добиться, — говорил он, — чтобы каждый красноармеец был глубоко убежден в том, что сражается за самое правое и святое дело — за народное счастье».

Были открыты многочисленные школы и курсы по ликвидации неграмотности и подготовке младших командиров, пулеметчиков, телефонистов, саперов и других специалистов. Для коммунистов были организованы специальные партийные школы, где они изучали теорию марксизма-ленинизма. Политработники и рядовые коммунисты систематически проводили беседы и лекции в подразделениях. В частях регулярно демонстрировались кинофильмы, устраивались концерты самодеятельности.

С помощью партийных организаций В. К. Блюхеру в короткий срок удалось сплотить вокруг основного костяка дивизии прибывшее многочисленное пополнение и создать единую боевую семью.

Весной 1920 года началось новое нашествие на республику Советов. На этот раз главный удар наносили с запада войска буржуазно-помещичьей Польши. С юга их поддерживали белогвардейские войска барона Врангеля. «Врангелевские войска,— говорил В. И. Ленин,— снабжены пушками, танками, аэропланами лучше, чем все остальные армии, боровшиеся в России».

Особое внимание Врангель уделил созданию так называемой «бронированной» кавалерии. Она комплектовалась из опытных кавалеристов, имела на вооружении большое количество бронепоездов, пулеметных тачанок и грузовых машин с пулеметными установками.

6 июня части 2-го армейского корпуса белых высадились у озера Молочного и двинулись на Мелитополь. 12 июня советские войска оставили Каховку, Алешки и отошли на правый берег Днепра. Вся Северная Таврия с ее большими материальными ресурсами к концу месяца оказалась в руках врага. «Перед нами снова трудное положение,— указывал В. И. Ленин,— и снова еще раз попытка международных империалистов задушить Советскую республику двумя руками: польским наступлением и наступлением Врангеля».

10 июля Центральный Комитет РКП(б) призвал партийные организации приложить все силы, «чтобы немедленно прекратить продвижение Врангеля и уничтожить крымское белогвардейское гнездо». По партийной мобилизации на врангелевский фронт отправилось 10 тысяч коммунистов и комсомольцев. «Когда в 1920 году на юге России понадобилось создать надежный барьер против новой контрреволюци-

онной волны, хлынувшей на Украину через теснины Крымских перешейков,— писал М. В. Фрунзе,— Советское командование снимает из Сибири 51-ю дивизию и бросает на этот, ставший важнейшим, участок фронта».

28 июня начдив-51 В. К. Блюхер получил приказ срочно выступить на фронт. Через два дня первый эшелон был уже в пути. Вслед за ним один за другим двинулись еще 92 эшелона.

В начале августа головные части дивизии разгрузились на станции Апостолово и форсированным маршем двинулись в район Бориславля, где 51-я дивизия была включена в Правобережную группу 13-й армии. Действующие на этом участке 15-я, 52-я и Латышская стрелковые дивизии в ночь на 7 августа успешно форсировали Днепр, заняли Каховку и стали продвигаться вперед.

К 11 августа войска Правобережной группы расширили каховский плацдарм. Это обеспокоило белое командование, так как создавало угрозу их левому флангу. Командир 2-го армейского корпуса генерал Слащев получил указание ликвидировать плацдарм. В помощь ему был придан конный корпус генерала Барбовича, который нанес сильный удар по частям Красной Армии. Они не выдержали и стали отходить к Каховке. Создалась угроза ликвидации плацдарма. Положение спасли полки 51-й дивизии. Заняв наспех оборудованные позиции, они пропустили через свои боевые порядки отступавшие части Латышской и 52-й дивизий и три дня стойко отражали многочисленные атаки противника. Бойцы отстояли каховский плацдарм. «Ожесточенные схватки в степях Заднепровья,— с гордостью отмечал В. К. Блюхер,— неизменно оканчиваются нашей победой, и генеральская конница, мечтавшая блеснуть своими штандартами

в глубине Советской республики, все чаще и чаще обращается к помощи быстрых коней своих, отмечая на карте маршрут в Перекоп. Красные сибирские стрелки! Вы и теперь, как и всегда, остаетесь верными своему революционному долгу».

Поручая дивизии Блюхера такую ответственную боевую задачу, Главное командование знало, что закаленная в боях с Колчаком она выполнит ее с честью.

В боях особенно отличился 457-й Московский стрелковый полк 51-й дивизии. Два дня он упорно отбивал непрерывные атаки врага, а 15 августа сам нанес сильный контрудар. Против него врангелевцы бросили многочисленную кавалерию и бронемашину. Красные воины отразили натиск.

Перегруппировав свои силы, белогвардейцы вновь ринулись в атаку. Теперь уже Туземная бригада, сверкая клинками, стремительно летела вперед. Но и эта атака захлебнулась. Противник опешил, однако повторил атаку. В упорном бою вражеским броневикам удалось прорваться в тыл 457-го полка. Вслед за ними устремилась кавалерия. Сибиряки не растерялись. Разбившись на отдельные группы и перестроившись в так называемые «ежи», они образовали сплошную щетину штыков, которую так и не смогли преодолеть белогвардейцы. «У красноармейцев вышли все патроны,— говорилось в приказе Реввоенсовета республики в связи с награждением полка Почетным Революционным Красным знаменем.— Пришлось отбиваться штыками. Полк нес большие потери и постепенно таял, выбыли из строя все командиры батальонов, политруки, почти все командиры рот и, несмотря на это, полк продолжал героически сражаться, нанося урон противнику, вызывая своей невероятной стойкостью злобу в рядах напада-

ющих. Беспремерная стойкость полка, его самообладание, хладнокровие привели к тому, что противник принужден был отойти с большими потерями».

Необычайное мужество и отвага красноармейцев 51-й дивизии породили у врангелевцев убеждение, что все они коммунисты. «Прибыла новая вымуштрованная дивизия — сплошь коммунистическая, — писали белогвардейские газеты. — Все командные должности заняты старыми офицерами, продавшимися большевикам. Во главе стоит немецкий генерал Блюхер¹, а начальником штаба у него молодой офицер Датюк, который занимается не только оперативными делами, но и ведет агитационную работу. Враг очень силен, хитер, но с божьей милостью он будет нашими храбрыми воинами разбит».

Действительно, в 51-й дивизии была большая и сплоченная партийная организация. Каждый четвертый боец — коммунист. Бригадами и полками командовали большевики, имевшие боевой опыт.

Во второй половине августа войска 13-й армии предприняли новое наступление. Основной удар на Серогозы — Мелитополь наносила 51-я дивизия В. К. Блюхера. 20 августа ее бойцы стремительно двинулись в атаку. Врангелевцы оказывали упорное сопротивление. Используя неубранные копны хлеба, они маскировали в них свои пулеметные тачанки и в упор расстреливали наступающие цепи. Начдив выдвинул вперед орудия, которые прямой наводкой уничтожали неприятельские огневые точки и расчищали путь пехоте. В упорном бою у села Торгаевка неприятель был разбит.

¹ Так писали о Блюхере не раз. На самом деле он русский. Одного из его предков, крепостного крестьянина, помещик прозвал Блюхером — по фамилии известного фельдмаршала. Кличка затем превратилась в фамилию.

Блюхеровцы освободили Верхние и Нижние Серогозы и вышли в тыл главным силам Врангеля. До Мелитополя оставалось 25—30 километров. Почувствовав угрозу своим коммуникациям, белогвардейцы бросили против 51-й дивизии свои лучшие части.

Получив от разведки сообщение о сосредоточении превосходящих сил противника, В. К. Блюхер предупредил командиров бригад и полков, чтобы они не терялись, уверенно руководили своими подразделениями.

Несколько суток стойко отражали сибиряки натиск врага. Населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки.

В разгар сражения 51-я дивизия получила приветствие и Красное знамя от бойцов 30-й дивизии как символ содружества двух лучших дивизий Красной Армии. «30-я дивизия, — говорилось в приветствии, — преподнося Красное революционное знамя своему славному боевому товарищу — 51-й дивизии, горячо надеется и убеждена, что это знамя, густо политое кровью рабочих, будет в надежных руках испытанных бойцов и славный марш на восток завершится победным маршем в Севастополь». Действительно, знамя гордо реяло на полях сражений, а 15 ноября сибиряки вошли с ним в Севастополь.

На рассвете 31 августа 51-я дивизия приняла на себя удар основных сил врага. В тот день белые при поддержке артиллерии и авиации восемь раз атаковали части дивизии у села Торгаевка и откатывались с большими потерями. Чудеса мужества показал сводный батальон коммунистов во главе с начальником политотдела дивизии Ф. В. Строгановым.

Под вечер В. К. Блюхер приказал оставить Торгаевку и начать организованный отход на каховский плацдарм. Врангелевцы пытались смять сибиряков,

на их плечах ворваться в укрепленный район и ликвидировать его. Основной удар они направили на деревню, где находился полевой штаб дивизии, чтобы нарушить управление войсками и обеспечить успешное выполнение задачи.

Тяжелая артиллерия и авиация обрушили свой смертоносный груз на деревню и разбили «штабной» дом. Затем в атаку двинулись 18 бронемашин, за ними тачанки, которые стремительно разворачивались и пулеметным огнем расчищали путь своей пехоте и кавалерии. Казалось, не устоять перед такой грозной силой, но так только казалось. Бойцы 153-й бригады, пропустив броневики в свой тыл, ружейно-пулеметным огнем отсекали неприятельскую пехоту и кавалерию.

В разгар боя в дивизию прибыло пополнение из Сибири. Блюхер с ходу направил его на позиции, а сам бросился к артиллеристам. Вместе с командиром артдивизиона Л. А. Говоровым (впоследствии Маршал Советского Союза) он помог привести пострадавшие батареи в порядок и открыть огонь. Маневрируя и нанося сильные контрудары, начдив организованно отвел дивизию на каховский плацдарм.

То, что блюхеровцы выстояли и не отдали плацдарм, имело большое значение в общем ходе борьбы с Врангелем.

Подводя итоги второго августовского наступления, Василий Константинович в своем обращении к бойцам отмечал: «Вы смело встретили натиск первой волны. Эта волна разбилась о вашу могучую грудь. Честные и стойкие защитники свободного труда, крепче сжимайте винтовку. Победа близка. И если наследником Колчака и Деникина объявит себя Врангель, пусть он будет наследником до конца, пусть разделит с ними их участь».

В течение сентября обе стороны усиленно готовились к решающей схватке. 21 сентября крымский участок Юго-Западного фронта выделяется в самостоятельный Южный фронт. Возглавляет его по предложению В. И. Ленина выдающийся пролетарский полководец М. В. Фрунзе. Перед ним партия и Ленин ставят задачу: Врангель должен быть уничтожен до зимы.

На фронт непрерывным потоком шли войска. Реорганизовывалось управление. Правобережная группа войск преобразовывалась в 6-ю армию. Создается Каховский укрепленный район во главе с В. К. Блюхером. Перед ним ставится ответственная задача — во что бы то ни стало удержать плацдарм, который, нависая над левым флангом противника, создавал постоянную угрозу вражеским коммуникациям. Отсюда советские войска могли в любое время внезапным ударом отрезать белогвардейцев от Крыма, где находились их основные базы.

Врангель хорошо понимал это и держал против Каховки крупные силы, спешно готовя их к новому штурму.

В эти дни под руководством В. К. Блюхера и выдающегося военного инженера Д. М. Карбышева энергично проводятся работы по инженерному оборудованию укрепленного района, создается артиллерийская и противотанковая оборона. В короткий срок было сооружено три линии проволочных заграждений, связанных между собой ходами сообщения, много опорных пунктов, противотанковых рвов, минированных полей. «Вся полоса обороны, — говорилось в приказе Блюхера, — должна состоять из нескольких линий — узлов сопротивления, имеющих между собой взаимную огневую и живую связь. За внешней линией для парирования частных прорывов против-

ника должен быть оборудован ряд опорных пунктов, узлов сопротивления, резервных блиндажей, имеющих специальную задачу — зажать в тиски противника, прорвавшегося в том или ином участке».

Учитывая, что противник располагает танками, Василий Константинович особое внимание уделил противотанковой обороне плацдарма. В то время это было новым словом в военном искусстве. Для борьбы с танками и броневиками выделялись на танкоопасных направлениях специальные кочующие орудия, которые должны были поражать их прямой наводкой.

Одновременно начдив приказал провести тщательную пристрелку «всех пулеметов по пунктам местности, кои могут служить удобными подступами для противника».

В результате напряженной работы воинских частей и местного населения были созданы неприступные оборонительные сооружения.

Используя временное затишье, В. К. Блюхер приводил части в порядок, готовил их к боям. На пополнение прибыла Ударно-огневая бригада, имевшая на вооружении большое количество огнеметов, бомбометов и 160 станковых пулеметов.

Много внимания В. К. Блюхер уделял изучению всем личным составом опыта войны с Врангелем: приемов борьбы с конницей, танками и преодоления укрепленной полосы, умения маневрировать при внезапных атаках противника и использовать условия местности как для наступления, так и для обороны.

Большое воспитательное значение имел приказ Блюхера, в котором он потребовал от командиров и военных комиссаров своевременно представлять отличившихся бойцов к наградам: «Славен путь красных бойцов, кровью своей запечатлевших беззавет-

ную преданность делу пролетарской революции, на светлых страницах истории будут записаны их имена, и в памяти благодарных потомков сохранятся их предания. Командиры и комиссары! Ни один подвиг красноармейцев не должен оставаться не отмеченным вами. Как старший начальник приказываю и как старший коммунист перед вашей коммунистической совестью обязываю вас неукоснительно отмечать каждый подвиг ваших младших товарищей».

В перерыве между боями была проведена дивизионная партийная конференция. С речью об итогах боевых действий и задачах коммунистов выступил Блюхер. Конференция призвала коммунистов усилить партийно-политическую работу в частях, проявлять больше инициативы и выдержки в боях. Делегаты конференции послали приветственную телеграмму Центральному Комитету партии: «Собравшись в решительный момент на партийную конференцию, мы, коммунисты и политработники 51-й дивизии, ясно и твердо сознаем все трудности борьбы и необходимость вести ее до победного конца... Клянемся отдать все силы на борьбу с наймитом капитализма бароном Врангелем...»

С 20 августа в дивизии стала издаваться многотиражная газета «Красный стрелок». Бойцы любили ее и охотно сотрудничали в ней.

Восстановив свои силы, 51-я дивизия активизировала боевые действия. В начале октября В. К. Блюхер приказал произвести разведку боем, выявить группировку войск противника, доставить контрольных пленных.

На рассвете 4 октября кавалерийский полк под командованием А. К. Юшкевича совершил дерзкий налет на деревню Дмитриевку, окружил ее и захватил стоявший здесь батальон Самурского полка вме-

сте с артиллерией и пулеметами. Вслед за тем Юшкевич атаковал деревню Константиновку, где помог 9-му кавполку пленить второй батальон того же полка. Успешное выполнение поставленной задачи показало, что дивизия окрепла и готова к новым боям.

В ночь на 8 октября Врангель начал так называемую Заднепровскую операцию. Цель ее — сорвать советско-польские мирные переговоры, соединиться с белопольскими войсками и вместе с ними двинуться на Москву. Но прежде он планировал разбить войска Южного фронта, развязав тем самым себе руки. Врангелевцам удалось основательно потрепать 13-ю армию и отбросить ее на северо-восток. Затем они обрушились на 46-ю дивизию и 2-ю Конную армию в районе Никополя. На помощь им с каховского плацдарма двинулись 15-я, 52-я и Латышская стрелковые дивизии. На плацдарме остались 51-я дивизия и 44-я бригада 15-й стрелковой дивизии.

Одновременно белогвардейцы интенсивно готовились к штурму каховского плацдарма.

На узком участке фронта белогвардейцы сосредоточили 12 танков, 14 бронемашин, 90 орудий и более 200 пулеметов. Вечером 13 октября их самолеты сбросили листовки. В них предлагалось бойцам 51-й дивизии сложить оружие и сдаться в плен. Над плацдармом нависла серьезная угроза. С помощью танков противник стремился прорваться к Днепру, захватить переправы, окружить и разгромить сибиряков. В. К. Блюхер принимает срочные меры к спасению плацдарма, как исходного пункта предстоящего контрнаступления. В тот же вечер он отдал следующий приказ: «...плацдарм должен быть во что бы то ни стало в наших руках. Сохраняя за собой плацдарм, мы имеем возможность развертывать крупные части, маневрировать ими и, кроме того, являемся

постоянной непосредственной угрозой операционной и коммуникационной линии противника, заставляем его выделять для обеспечения себя крупные силы, чем ослабляется сила удара на других участках фронта... Во исполнение общей задачи дивизии и создавшейся обстановки на фронте приказываю: всему комсоставу, военкомам, красноармейцам быть истинными солдатами революции — выполнить задачи по обороне плацдарма с той высокой доблестью, какая была проявлена во время всех операций дивизии, несмотря на трудное иногда положение. Республика требует от нас усилий, и мы обязаны ради миллионов трудящихся их проявить... Каждому проявлять больше личной инициативы, поддержки друг друга и помнить, что неудача одного есть неудача наша общая».

Коммунисты немедленно довели этот приказ до сведения бойцов. Призыв начдива отстоять плацдарм воодушевил бойцов. Они поклялись умереть, но не отступить.

Рано утром 14 октября 2-й армейский корпус белых после мощной артподготовки перешел в наступление. Вскоре в утренней мгле появились силуэты стальных громадин длиной в десять, а высотой более двух метров, вооруженных пятью пулеметами и двумя орудиями. Их экипажи состояли из офицеров, а танком «Фельдмаршал князь Суворов» командовал генерал-майор. За ними шли броневики. Под прикрытием артиллерийского огня густыми цепями двигалась пехота. Это была самая мощная танковая атака за всю историю гражданской войны. Врангель, казалось, предусмотрел все, однако не учел одного — железной твердости закаленных в боях бойцов и командиров 51-й дивизии.

По приказу В. К. Блюхера защитники внешней линии обороны пропустили танки, а затем сильным

огнем отсекали следовавшую за ними пехоту. На участке огневой бригады белым удалось прорваться через проволочные заграждения и вплотную подойти к окопам. Но в это время бойцы направили на врага струи огня из огнеметов. Белогвардейцы были ошеломлены и в панике отступили.

Не менее ожесточенная борьба шла с прорвавшимися танками. Командир роты коммунист Голованов и рядовой Паршин гранатами подбили головную машину. Особенно отличились артиллеристы Л. А. Говорова. Они прямой наводкой расстреливали врага.

К 11 часам было подбито 7 танков. Врангель бросил в бой еще 4 танка и 7 бронемашин. Атаки следовали одна за другой. Неприятельские самолеты бомбили наши батареи и обстреливали их из пулеметов. Но дивизия стойко держалась. Из тыловых частей в боевые порядки прибыли коммунисты, которые личным примером увлекали бойцов в контратаки. «Передайте привет Блюхеру и его славным войскам,— сказал М. В. Фрунзе в разгар боя командарму-6 К. А. Авксентьевскому.— Они сейчас решают судьбу всей кампании».

Уничтожив танки и измотав живую силу противника, 51-я дивизия по приказу своего начальника нанесла сильный контрудар, смяла белогвардейцев и отбросила их за внешнюю линию обороны. Последующие два дня сибиряки продолжали громить противника и успешно продвигаться вперед.

В трехдневных ожесточенных боях, отмечал М. В. Фрунзе, «геройские войска под общей командой Блюхера не только отбили атаку врага, но, перейдя в дружную контратаку, окончательно разгромили его и с боем овладели всей линией его расположения. 10 танков, 5 бронемашин, свыше 70 пулеметов и другие трофеи стали нашей добычей».

День 14 октября стал началом разгрома Врангеля.

Необычайные стойкость и мужество, проявленные 51-й дивизией на каховском плацдарме, вызвали восхищение советского народа. Московский Совет принял над ней шефство и прислал приветствие личному составу дивизии: «Пролетариат красной столицы Москвы с радостью узнал, что славная 51-я дивизия распоряжением М. В. Фрунзе ставится под особое попечение Московского Совета и Московского комитета РКП(б). Уверены, что московские рабочие приложат все усилия, чтобы помочь боевым товарищам 51-й стрелковой дивизии в выполнении их славной боевой задачи. Твердо надеемся, что Московская дивизия всегда будет первой в бою и победе». 20 октября на каховский плацдарм прибыли шефы — представители столицы. Они привезли бойцам подарки и вручили им Красное знамя с надписью: «Уничтожь Врангеля».

На митинге В. К. Блюхер поклялся, что 51-я дивизия с честью оправдает доверие трудящихся Москвы. После торжественного вручения знамени состоялся военный парад войск каховского плацдарма.

Побывав в частях, познакомившись с условиями фронтовой жизни, москвичи телеграфировали В. И. Ленину: «Сегодня с командармом Авксентьевским и командующим плацдармом Блюхером осмотрели каховский плацдарм. Приняли парад... видели отбитые танки Врангеля. Один из крупнейших уже исправлен и работает, получив имя «Москвич-пролетарий». Части представились в блестящем боевом порядке, выдержке».

24 октября 1920 года за героическую оборону каховского плацдарма Василий Константинович Блюхер был награжден золотыми часами с надписью:

«Честному воину Рабоче-Крестьянской Красной Армии от ВЦИК»¹.

Поражение Врангеля в октябрьских боях и крушение его стратегических планов ускорило подписание белополяками перемирия с Советской Россией. Врангель остался один и мог рассчитывать теперь в основном только на свои силы и ресурсы, а они были довольно ограничены. Сберегая их, он впервые после выхода из Крыма отказался от инициативы и отдал приказ о переходе к обороне. Это дало возможность нашим войскам подготовиться к решающему наступлению.

19 октября 1920 года М. В. Фрунзе поставил войскам Южного фронта задачу «разбить армию Врангеля, не дав ей возможности отступить на Крымский полуостров, и захватить перешейки».

Главный удар наносила Перекопская ударная группа под командованием В. К. Блюхера. Она должна была «стремительным ударом овладеть позициями противника на Перекопском перешейке и отрезать ему пути отхода в Крым». В выполнении этой задачи В. К. Блюхер, как всегда, требовал инициативы, смелости и настойчивости. «Комбригам действовать решительно и энергично, — наказывал он. — Противник должен быть уничтожен на поле».

На рассвете 28 октября блюхеровцы поднялись в атаку. Они смяли 2-й армейский корпус Витковского и устремились к Перекопу. Вслед за Ударной группой в тыл противника двинулась овечья слава 1-я Конная армия. Вступили в бой и другие армии Южного фронта.

Разгромив части противника на своем пути, Удар-

¹ 25 октября 1928 года за мужество и отвагу, проявленные при обороне Каховки, В. К. Блюхер был награжден орденом Красного Знамени.

ная группа Блюхера уже вечером 29 октября достигла Перекопа¹.

Утром 30 октября бой за перекопские позиции возобновился с новой силой, но взять их не удалось. Вечером Блюхер доносил: «Противник имеет хотя и небольшой гарнизон, но обеспечил себя колоссальной материальной частью, которая, будучи приспособлена к местности, делает почти неприступным перешеек. Все преимущества и выгоды на его стороне. Артиллерия и самые позиции противника скрыты за валом, наша же артиллерия, не имея позиций, при своем появлении быстро подбивается». Далее Василий Константинович предлагал начать систематическую подготовку штурма укреплений, а для этого усилить артиллерию, особенно дальнобойную и тяжелую. Одновременно начдив просил разрешения отвести штурмующие части в тыл для отдыха. Командующий 6-й армией А. И. Корк, сменивший на этом посту Авксентьевского, одобрил действия Блюхера. Стало ясно, что одной Ударной группе Блюхера, тем более без подготовки, не взять Турецкий вал.

На этом завершился первый этап контрнаступления

¹ Естественная крепость, прикрытая с севера воздвигнутым еще крымскими ханами Турецким валом, упирающимся своими флангами в Черное море и Сиваш, усиленным мощной и сложной системой долговременных сооружений. Основная линия обороны проходила по Турецкому валу. Его длина достигала 11 километров, высота — 8 метров. Перед валом был вырыт ров глубиной до 10 и шириной более 20 метров и построены две линии проволочных заграждений. Третья линия проволочных заграждений была скрыта во рву. Пулеметы и орудия держали под огнем подступы к нему. С запада перекопские укрепления прикрывались огнем кораблей, с востока — Сивашским заливом. Осмотрев перекопские позиции, Врангель самоуверенно заявил: «Много сделано, многое предстоит сделать, но Крым и ныне уже для врага неприступен».

ния войск Южного фронта. Северная Таврия была освобождена, но Брангель с остатками своих войск укрылся в Крыму. Предстояла упорная борьба с ним. Готовясь к ней, противник соорудил в глубине Перекопского перешейка вторую линию обороны, так называемый Юшуньский укрепленный узел. Шесть линий окопов с проволочными заграждениями впереди преграждали вход в Крым между озерами Красное и Старое. Наиболее уязвимым местом в обороне врага было слабо укрепленное, прикрытое Сивашским заливом северное побережье Литовского полуострова. Считалось, что Сиваш — «Гнилое море» — непроходим.

Целую неделю войска 6-й армии усиленно готовились к решительному штурму Турецкого вала: изучали систему укреплений, уточняли переходы через Сиваш, обучали специально созданные штурмовые отряды. Открытая местность затрудняла подготовку. С наступлением темноты принимались за работу артиллеристы, пулеметчики, саперы. Они прокладывали проходы в минных полях и проволочных заграждениях, подносили боеприпасы, лестницы.

В эти дни В. К. Блюхер разработал необычный в условиях гражданской войны боевой порядок построения войск для прорыва укрепленной полосы, который состоял из пяти волн (линий). Первая волна (линия) включала саперов, гранатометчиков и стрелков. Они должны были разрушить все преграды и проложить проходы в проволочных заграждениях. Сто шагов отделяли ее от основной волны. Задача — не ввязываясь в бой, во что бы то ни стало прорвать оборону противника на всю ее глубину и вырваться вперед, оставляя ликвидацию очагов сопротивления противника последующим волнам. Такой порядок построения позволял непрерывно наращивать темп

наступления и своевременно пополнять впереди идущие цепи.

В. И. Ленин внимательно следил за ходом борьбы с Врангелем. Узнав, что Перекоп взять трудно, он еще 16 октября написал М. В. Фрунзе: «...готовьтесь обстоятельнее, проверьте — изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма». Выполняя ленинское указание, командующий фронтом 29 октября приказал А. И. Корку в случае неудачи овладения Перекопом занять все северное побережье Сиваша и произвести рекогносцировку бродов. На следующий день В. К. Блюхер поручил командиру 153-й бригады Б. В. Круглову выявить броды, а также опросить с этой целью местное население. Быть готовым к форсированию Сиваша. Разведка доложила, что пехота и кавалерия могут двигаться, пользуясь бродами. Это давало возможность нанести удар во фланг и тыл врага.

В ту осень рано ударили морозы. Пронизывающий ветер пробирал до костей. Но бойцы горели одним желанием — как можно быстрее разбить врага и покончить с войной. «...Небывалый подъем настроения и величайший героизм всего состава армий фронта совершают невозможное, — писал М. В. Фрунзе в статье «Памяти Перекопа и Чонгара». — Почти не было слышно жалоб на вопиющие условия боевой работы. Каждый красноармеец, командир и политработник держались лишь крепко засевшей в сознании всех мыслью: во что бы то ни стало ворваться в Крым, ибо там конец всем лишениям...»

Михаил Васильевич тщательно изучил обстановку. Учитывая, что Врангель создал сильные укрепления у Перекопа, командующий фронтом предполагал одновременно с фронтальной атакой перекопских крепостей обойти их с востока по Арабатской

Стрелке. Для успешного выполнения этой задачи нужна была помощь флота со стороны Азовского моря. Однако льды прочно сковали Таганрогскую бухту, и Азовская флотилия не могла пробиться туда.

Лично обследовав побережье и убедившись, что надежды на скорое прибытие флота нет, М. В. Фрунзе решил штурмовать в лоб перекопские и чонгарские позиции. 5 ноября он подписал приказ: «Армиям фронта ставлю задачу: по Крымским перешейкам немедленно ворваться в Крым и энергичным наступлением на юг овладеть всем полуостровом, уничтожив последнее убежище контрреволюции».

Наиболее трудная и вместе с тем почетная задача в этой операции возлагалась на Перекопскую ударную группу Блюхера. Бойцы двух бригад 51-й дивизии совместно с 15-й и 52-й дивизиями должны были форсировать десятикилометровый Сивашский залив, занять Литовский полуостров и нанести удар в направлении Караджаная и далее на Армянск во фланг и тыл противнику, оборонявшему Турецкий вал. Одновременно 152-й и огневой бригадам начдив приказал штурмовать Турецкий вал в лоб.

Перед началом операции В. К. Блюхер сделал попытку избежать кровопролития. Как командующий Перекопской ударной группой, он от имени Советской власти и русского народа обратился к перекопскому гарнизону неприятеля. «...Офицеры и солдаты перекопского гарнизона! — говорилось в обращении. — Полная веры в свое правое дело, в свой успех, Красная Армия подходит к Перекопу. Врангель делает последние усилия загородить вашими трупами Перекопский перешеек, чтобы не дать трудовому народу раскрыть вам тот обман, ту ложь, в которую впутаны многие из вас... Теперь от вас самих зависит прекра-

щение дальнейшего бестолкового и бесцельного кровопролития... Предлагаю вам, рядовое офицерство и солдаты, немедленно составить революционный комитет и приступить к сдаче Перекопа. От имени Советской власти и русского народа объявляю полное забвение и прощение прежней вины всем добровольно перешедшим на сторону Красной Армии». Тысячи листовок с обращением Блюхера разбросали наши летчики в лагере противника.

Кроме того, Василий Константинович решил вручить это обращение с подписью и печатью белому командованию. Доставить это обращение должен был человек, у которого хватило бы смелости пройти по открытому полю к Турецкому валу. Выполнение этой рискованной задачи Блюхер поручил политруку 1-го ударного полка.

— А дойду ли я до белых? — спросил политрук.

Блюхер ответил откровенно:

— Вряд ли. Скорее всего, вас убьют, пока вы дойдете. Беретесь ли вы выполнить это поручение?

Политрук, не задумываясь, ответил:

— Я буду считать это почетной боевой задачей.

И вот он, привязав к штыку белый флаг, пошел по открытой безлюдной степи в сторону противника. Ружейная и пулеметная стрельба сразу стихла. Навстречу ему через проволочные заграждения пролезли три белогвардейца. Двое остановились, один пошел к политруку. На середине поля они встретились.

— Вы кто такой? — спросил врангелевский офицер.

— Я политрук, а вы кто такой?

— Я капитан. Что вам угодно?

— Вот вам письмо для гарнизона Перекопа. Просим ответ.

— За что вы воюете? — спросил офицер.

— За освобождение рабочих и крестьян от тирании капиталистов,— ответил политрук.— А вы за что?

— Мы сами не знаем.

На этом разговор окончился. Через некоторое время перестрелка возобновилась с новой силой. Белое командование, уверенное в неприступности своих позиций, не ответило на обращение Блюхера.

7 ноября сильный западный ветер выгнал воду из Сиваша. В 22 часа 15-я и 52-я дивизии совместно с частями Ударной группы Блюхера двинулись по дну Сиваша к Литовскому полуострову. Отдавая приказ о наступлении, Василий Константинович наказал «действовать смело, энергично и решительно, памятуя, что взять перекопские укрепления и Армянск можно только быстротой и неожиданностью атаки».

Три часа шли бойцы через «Гнилое море». Непролазная грязь засасывала людей и лошадей, соленая вода разъедала потертые ноги. С моря дул холодный ветер. Ударил мороз. Мокрая одежда обмерзала, делалась похожей на листовое железо. Бойцы вдвоем-втроем с трудом несли на руках пулеметы. Наконец передние ряды подошли к высокому берегу Литовского полуострова и словно сказочная рать поднялись из воды и ударили по противнику.

Форсирование Сиваша явилось полной неожиданностью для врага и застало его врасплох. Через некоторое время он опомнился и открыл ураганный огонь из орудий и пулеметов. Столбы воды и грязи взметнулись в небо. Но бойцы неудержимо шли вперед. К утру 8 ноября 153-я бригада стала медленно продвигаться к Караджанаю.

Тяжелая обстановка сложилась на участках 152-й и огневой бригад, штурмовавших Турецкий вал в лоб. Неоднократные попытки подрывников подойти

к проволочным заграждениям отбивались ураганным огнем противника. Нависший утром густой туман задержал артиллерийскую подготовку. Она началась только в 10 часов. Под прикрытием огневой завесы саперы-подрывники, гранатометчики и стрелки подошли к проволочным заграждениям, но почти все полегли от шквального артиллерийского и пулеметного огня с вала.

В это время в штаб дивизии прибыли командующий фронтом М. В. Фрунзе и командующий 6-й армией А. И. Корк. «Настроение в штабе и у начдива Блюхера было приподнятое и в то же время несколько нервное», — вспоминал впоследствии Фрунзе. Все понимали, что необходимо повторить штурм, и в то же время знали, что такая попытка будет стоить немалых жертв. Командование дивизии сомневалось, смогут ли части выполнить приказ о ночном штурме в предстоящую ночь. Тогда Фрунзе в самой категорической форме приказал начдиву повторить штурм, хотя понимал, что на войска дивизии возлагалась задача неимоверной трудности — без значительной артиллерийской подготовки, на небольшом пространстве и по абсолютно ровной местности атаковать сильно укрепленную позицию.

В 19 часов штурм возобновился. Под ураганным огнем противника двинулись бойцы в атаку. Пехоту активно поддерживали 15 бронемашин. Подрывникам удалось подойти к Турецкому валу и проделать несколько проходов на участке 152-й бригады. 1-й ударный полк при прорыве второй линии проволочных заграждений потерял 60 процентов своего состава, однако оставшиеся в живых упорно продвигались вперед. Но и на этот раз атака не увенчалась успехом.

Наступила ночь. Разрывая сгущавшуюся тьму,

рвались снаряды. Казалось, огонь обнимал полнеба. Прожекторы неприятеля поминутно освещали место сражения. Малейшее движение наших бойцов вызывало сильный огонь белых.

Не менее упорный бой шел 8 ноября и на Литовском полуострове. Подтянув резервы, Врангель обрушился на 153-ю бригаду и стал теснить ее. На помощь ей Блюхер спешно направил из резерва 451-й полк. Бойцы почти бегом миновали Сиваш и ударили в штыки. Врангелевцы не выдержали и отступили.

Между тем поднявшийся восточный ветер погнал мутные воды Азовского моря в Сиваш и стал заливать его. К 22 часам на участке 15-й дивизии залив стал уже непроходим. Частям, находившимся по ту сторону Сиваша, угрожало окружение. Вторые сутки они непрерывно вели бой. Промокшие бойцы лежали на мерзлой земле без горячей пищи. Враг подтягивал все новые и новые части. К полуострову направлялся конный корпус Барбовича.

Нужны были срочные меры, иначе вся операция могла провалиться. Коммунисты тыловых учреждений и штабов пошли в передовые цепи с винтовками в руках. На подкрепление войскам, находившимся на Литовском полуострове, была направлена 7-я кавдивизия. Одновременно М. В. Фрунзе мобилизовал население окрестных сел на постройку дамбы и приказал Блюхеру немедленно штурмовать Турецкий вал.

«Ночью меня вызвал к аппарату М. В. Фрунзе,— вспоминал В. К. Блюхер,— и сказал: «Сиваш заливают водой. Наши части на Литовском полуострове могут быть отрезаны. Захватите вал во что бы то ни стало».

В этот исключительно напряженный момент внезапно оборвалась связь со штабом 153-й бригады.

Нужно ее восстановить. Но как? Кругом — ни палки, ни шеста. На что подвесить провод? И отважные связисты нашли выход: они согласились стать живой цепью через Сиваш. Под леденящим ветром растянулись по заливу, держа в руках провод, соединивший оба берега. Четыре часа они стояли в воде, выполняя свой долг перед Родиной.

В 22 часа 50 минут В. К. Блюхер отдал приказ «немедленно штурмовать Турецкий вал».

Части 152-й и ударной огневой бригад спешно готовились к ночному штурму. Военком дивизии в служебной записке военкомам бригад и полков приказал принять все меры к тому, чтобы вал был занят в течение ближайших двух-трех часов.

В 24 часа атакующие цепи блюхеровцев дошли до проволочных заграждений и откатились обратно. Положение становилось критическим: Сиваш заливают водой, а за ним — наши бойцы, боевые товарищи.

Данные разведки натолкнули Блюхера на мысль о возможности обхода левого фланга противника через Перекопский залив и нанесения удара с фланга и тыла.

В 2 часа 9 ноября Блюхер вновь бросает 152-ю и ударную бригады на решительный штурм. Бойцам удалось наконец прорвать последнюю преграду и спуститься в ров. Здесь им уже не страшен был пулеметный огонь. Не задерживаясь, несколько сот воинов двинулись по дну рва к Перекопскому заливу, чтобы вброд обойти Турецкий вал и пробраться в тыл противника. Бесшумно шли они полкилометра по холодной воде в обход проволочных заграждений. Выйдя на берег метрах в ста позади Турецкого вала, они с криком «ура» бросились в атаку.

Противник исключал возможность обхода своих укреплений через Перекопский залив, и столь дерз-

кий маневр Блюхера оказался для него полной неожиданностью. Атака 455-го полка с тыла с одновременной фронтовой атакой других частей решила наконец судьбу грозных укреплений. Неприятель дрогнул и поспешно бежал. Взятие Турецкого вала коренным образом изменило всю обстановку в пользу советских войск.

«Я получаю донесение из штаба 51-й дивизии о том,— писал М. В. Фрунзе,— что части 51-й дивизии в 3 часа 30 минут пополуночи овладели штурмом Перекопским валом и продолжают наступление на Армянский Базар. Прочитал донесение, и с плеч словно гора свалилась... Со взятием Перекопа для нас в значительной мере ослабела опасность погубить целиком две дивизии, отрезанные водами Сиваша».

На Литовском полуострове также всю ночь шел ожесточенный бой. Под утро 153-я бригада, сбив противника, заняла Караджанай, ударила во фланг и вышла к Армянску, где соединилась со 152-й бригадой, наступавшей от Перекопа. Фронт сомкнулся.

Врангелевцы бежали под защиту юшуньских укреплений. Вслед за ними безостановочно двигались поредевшие и изнуренные части 51-й дивизии.

К 15 часам 9 ноября дивизия подошла к первой линии юшуньских укреплений и заняла фронт от Юшуньского залива до озера Красного. Снова закипел бой. Первый натиск был отбит. Для защиты юшуньских позиций Врангель подтянул и сосредоточил все резервы. Ночью советские войска начали готовиться к атаке. От Перекопа и Армянска подвозили орудия и боеприпасы. В самый разгар подготовки пришел приказ командарма заменить уставшую 151-ю бригаду В. В. Хлебникова свежими частями Латышской дивизии. Но бригада горела страстным желанием добить врага. Командир и комиссар брига-

ды от имени всего личного состава просили оставить их на позициях. «К счастью», Латышская дивизия запаздывала. На рассвете 10 ноября В. В. Хлебников по собственной инициативе повел бригаду в стремительное наступление и вскоре захватил первую линию обороны противника.

Для ликвидации прорыва Врангель ввел в Юшуньский залив 20 судов и открыл ураганный огонь. Снаряды вспахали Перекопский перешеек. Образовалась сплошная стена заградительного огня, но 151-я бригада не отступила. На помощь ей Блюхер направил 152-ю и огневую бригады. Бойцы поднялись и с криком «ура» ринулись вперед, дружной атакой заняли вторую линию обороны. К ночи дивизия подошла к третьей линии укреплений. К этому времени подоспела Латышская дивизия. Но красноармейцы 151-й бригады отказались смениться. Для этого были серьезные основания.

В октябре представители Московского Совета вручили дивизии знамя с надписью: «Уничтожь Врангеля». Такое же знамя они оставили командующему 6-й армией, чтобы он наградил им ту часть, которая первой ворвется в Крым. И бойцы 51-й дивизии дали клятву: никому не уступить первенства. Теперь, когда Перекоп, Сиваш и две линии юшуньских укреплений остались позади, воины дивизии готовились к последнему бою.

На рассвете 11 ноября части 51-й и Латышской дивизий пошли в решительную атаку. Им противостояли отборные дивизии противника, два бронепоезда и танки. Сильнейший огонь по нашим цепям не мог задержать героев. Белогвардейцы не выдержали и отступили. На плечах врага 151-я бригада ворвалась на станцию Юшунь.

В тот же день В. К. Блюхер телеграфировал Мо-

сковскому Совету: «Задача, поставленная дивизии, — пробить дорогу в Крым — выполнена. 11 ноября в 12 часов занята ст. Юшунь, впереди Крым, укреплений больше нет, лучшие силы Врангеля разгромлены окончательно: корниловцы, дроздовцы, марковцы, гвардейцы, 2-й армейский корпус представляют из себя жалкие остатки и панически бегут в разных направлениях. Бывшая гордость Врангеля теперь не существует. Погибли лучшие силы Врангеля, и с ними вместе пали неприступный Турецкий вал и четыре линии Юшуньских укреплений. Полуодетые, голодные, уставшие, участвовавшие непрерывно во всех боях, герои красноармейцы и командиры разгромили не только превосходную живую силу, но и разбили ее за десятками рядов проволочных заграждений и бесчисленными рядами окопов. Ничто не смогло спасти банды Врангеля. Приказ пролетариата — Крым должен быть Советским — выполнен с честью».

После Юшуня врангелевцы прекратили организованное сопротивление. Остатки разгромленных и морально дезорганизованных войск бежали к побережью. При освобождении населенных пунктов В. К. Блюхер приказал «проходить через таковые строем с оркестрами музыки. В пунктах, где имеются исполкомы, приветствовать их, останавливаясь перед таковыми, от имени Советской власти. Встречаясь с партизанскими отрядами, подчинять таковые себе в оперативном отношении».

15 ноября части 51-й дивизии вступили в Севастополь и Ялту. Наказ трудящихся столицы «Уничтожь Врангеля» был выполнен.

Делегаты Московской губернской конференции РКП(б) горячо поздравили бойцов 51-й дивизии с победой. В присланной на имя В. К. Блюхера теле-

грамме говорилось: «Московский пролетариат гордится тем, что его заботам поручены те именно бойцы, которые проявили беспримерное мужество и самоотверженность при штурме крымских позиций и первые вступили в Севастополь, владея которым, Советская власть становится твердой ногой на берегах Черного моря. Московская организация РКП(б) и московские рабочие считают своим священным долгом и дальнейшие заботы о дивизии и о семьях тех, кто, погибая при штурме последней твердыни русской контрреволюции, покрыл неувядаемой славой знамя Московской дивизии».

О том, как трудящиеся Крыма встречали своих освободителей, бывший комиссар 459-го полка, ныне генерал-лейтенант в отставке Телегин рассказывает: «Приближаясь к Севастополю, мы увидели идущие колонны народа во главе с Севастопольским ревкомом. Товарищи преподнесли нам хлеб-соль и поздравили с победоносным разгромом Врангеля. Крики «ура», букеты цветов, летящие вверх шапки. Только вступили мы на улицу, как послышались звуки «Интернационала». Наш путь до памятника Нахимову был сплошным триумфальным шествием. С балконов сыпались цветы, даже лошади были покрыты цветами. Из толпы то и дело выскакивали взволнованные люди, крепко жали руки, угощали папиросами, фруктами. Наконец мы на Нахимовской площади... Выстроились. Командир полка П. П. Мясоедов четко отрапортовал прибывшему комбригу Б. В. Круглову: «Ваш приказ выполнен. Полк в 16 часов 30 минут занял Севастополь. Отстающих нет. Настроение бойцов и командиров высокое»».

В телеграмме Московскому Совету М. В. Фрунзе особенно подчеркнул боевые заслуги 51-й дивизии, которая «в последних боях против Врангеля покры-

ла себя неуязвимой славой. Невзирая на тяжелые жертвы, в обстановке невероятных лишений она до конца выполнила свой долг перед Республикой и, потеряв $\frac{3}{4}$ состава, штурмом овладела всеми линиями обороны противника, пробив своей грудью дорогу в Крым. Имея такую опору, Советская Москва и вся Россия могут спокойно смотреть на свое будущее».

За героический прорыв укреплений врага при входе в Крым 51-я дивизия была награждена орденом Красного Знамени и получила почетное наименование Перекопской. Одновременно Реввоенсовет Южного фронта наградил В. К. Блюхера вторым орденом Красного Знамени, а Реввоенсовет 1-й Конной армии преподнес ему часы с надписью: «Красному вождю и победителю на Перекопе и Юшуне 27.X—11.XI—начдиву-51 В. К. Блюхеру от РВС 1-й Конной»¹.

С ликвидацией врангелевщины закончился период военной интервенции и гражданской войны на основной территории Советской страны.

Но в Приморье, южнее Имана, под охраной интервентов еще продолжали орудовать остатки бандитских шайк, готовившихся к походу на Хабаровск и Читу.

В апреле 1920 года на Дальнем Востоке была создана Дальневосточная республика (ДВР) — времен-

¹ Приказом Реввоенсовета Республики № 197 от 14 июня 1921 года за «выдающуюся храбрость, военный талант и организаторские способности», проявленные в борьбе с Дутовым и другими белогвардейцами в 1918 году, В. К. Блюхер был награжден третьим орденом Красного Знамени. Все эти награды были признанием его полководческого таланта и личных заслуг в деле вождения войск и организации боя с белогвардейцами.

ное государственное образование, созданное по тактическим соображениям для предотвращения войны с Японией. К весне 1921 года республика занимала территорию от Байкала до берегов Тихого океана. «...Обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной республики...— говорил В. И. Ленин в декабре 1920 года.— Вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна».

26 мая 1921 года белогвардейцы при поддержке японских войск совершили во Владивостоке контрреволюционный переворот. Вся власть перешла в руки «приамурского временного правительства» во главе с братьями Меркуловыми. Поддерживая мятежников, японские интервенты стремились навязать конфликт Дальневосточной республике и сорвать ее строительство.

Обсудив положение, создавшееся на Дальнем Востоке, ЦК РКП(б) пришел к выводу, что там назревает очаг войны против Советской республики, и призвал партийные организации Дальневосточной республики принять все меры для ликвидации нависшей угрозы. «Дальнейшее распространение на территории ДВР белогвардейщины,— говорилось в телеграмме ЦК,— может превратиться в серьезную опасность для РСФСР, стать угрозой возобновления международным капиталом частичной или полной блокады РСФСР».

Одновременно было принято решение направить на руководящую работу в Народно-революционную армию (НРА) Дальневосточной республики опытных командиров во главе с В. К. Блюхером.

4 июня Центральный Комитет поручил Реввоенсовету Республики «усилить всеми мерами помощь» ДВР и представлять в ЦК периодические доклады о ходе оказания этой помощи.

24 июня Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) постановило назначить В. К. Блюхера военным министром ДВР и главнокомандующим НРА. Для него это было не простое продвижение по службе, а ответственное поручение партии. Такой высокий пост могли доверить лишь человеку, сочетавшему талант полководца и государственного деятеля. Проводя линию партии на освобождение Дальнего Востока, Блюхер должен был в то же время не допустить войны с Японией.

Новому главкому предстояло много поработать. «Народно-революционная армия,— вспоминает член Дальбюро ЦК М. Губельман,— была в значительной мере настроена партизански, слабо дисциплинирована, плохо вооружена, исключительно плохо одета, с питанием дело было поставлено из рук вон плохо, народоармейцы и командный состав долгое время не получали жалования. Можно было только удивляться, что в этих условиях НРА, благодаря героической работе Коммунистической партии, сохранила революционный дух, преданность идеям социализма и волю к победе».

В докладе в ЦК РКП(б) В. К. Блюхер указывал, что армия находится в катастрофическом положении. Состояние дисциплины Народно-революционной армии того времени ярко характеризует один эпизод, рассказанный В. К. Блюхером на слете участников волочаевских боев 22 февраля 1937 года: «Знакомясь с армией, я приехал к Я. Н. Коротаеву, известному вам командиру Забайкальской дивизии, и говорю ему:

— Построй дивизию для смотра.

— Это невозможно,— растерянно отвечает он.

— Выстраивай на парад,— категорически приказал я.

— Не послушают,— твердит Коротаев.— Бойцы в бой пойдут, а на парад не пойдут.

— Какая же это армия,— отвечаю,— если она на парад не пойдет. Ведь парад — это демонстрация сил. Дайте мне строевую записку.

— Какую записку? — удивленно спрашивает Коротаев.

— Строевую записку, в которой должно быть указано, сколько людей числится по списку, в строю, больных, в наряде и сколько просто нахлебников.

Я должен вам сказать, что в дивизии числилось 4800 человек, а непосредственно в строю оказалось 920 бойцов».

Такая примерно картина была и в других частях.

В. К. Блюхер поставил вопрос перед правительством ДВР о коренной реорганизации армии. В ряде писем на имя ЦК РКП(б) Василий Константинович доказывал, что ДВР своими средствами, без помощи Советской России, не сумеет создать боеспособную армию. В ноябре 1921 года В. И. Ленин подписал постановление СНК о переводе ДВР (в распоряжение В. К. Блюхера) полутора миллионов рублей золотом.

В результате упорной работы главкому НРА удалось побороть дух партизанщины и создать регулярную армию. По его инициативе была разработана новая, более четкая структура управления вооруженными силами республики, ликвидирована значительная часть штабов и тыловых учреждений.

Особое внимание Блюхер уделял совершенствованию обучения и воспитания войск. «Только хорошо обученные и идейно воспитанные бойцы смогут со-

ставить крепкие, надежные боевые ряды, способные на выполнение ответственных задач, и подготовка таких бойцов явится первой неотложной задачей. Всякое послабление дисциплины уменьшает боевые качества армии. Только твердое усвоение революционной дисциплины является залогом действительной крепости ее боевых рядов... Мы должны добиться строгой централизации, единства воли, беспрекословного выполнения приказов, не допускать никакого сепаратизма, никакой стихийности — только в этом случае мы сможем целеустремленно направить великую революционную энергию наших бойцов на сокрушение и разгром врага».

Для улучшения партийно-политической работы в армии Военный совет НРА наметил ряд мероприятий по усилению политического воспитания бойцов и ликвидации неграмотности в армии. Проведение их в жизнь повысило сознательность бойцов и укрепило воинскую дисциплину.

...Стройными рядами прошли части НРА ДВР накануне штурма Волочаевки. Один иностранный корреспондент с удивлением спросил Блюхера:

— Вот порядок образовался, а сколько же вы человек расстреляли?

— Ни одного,— ответил главком.

— Как ни одного?

— Да так, ни одного.

— А как же можно восстанавливать порядок?

— У нашей партии,— разъяснил В. К. Блюхер,— есть рычаги, которые могут дисциплинировать людей без репрессий.

Реорганизация армии проходила в тяжелых условиях хозяйственной разрухи и борьбы с врагом. В июле 1921 года ей пришлось выступить против банд барона Унгерна, который, выйдя из своего убе-

жища в Монголии, стремился прорваться к Байкалу и отрезать Дальний Восток от Советской России. Народно-революционная армия совместно с частями Красной Армии разгромила банды Унгерна, сам он был взят в плен и по приговору ревтрибунала расстрелян в Новониколаевске.

Тем временем в Приморье белоповстанческая армия под командованием генерала Молчанова при помощи японского командования усиленно готовилась к «походу на Москву». Одновременно японские милитаристы предприняли отвлекающий маневр, открыв 26 августа 1921 года Дайренскую конференцию для «обсуждения» вопроса об условиях эвакуации своих войск из Приморья. Выставив ряд неприемлемых требований, умышленно затягивая переговоры, они давали возможность своим ставленникам подготовиться к наступлению.

В ноябре в Дайрен прибыл В. К. Блюхер. Он решительно отверг необоснованные претензии интервентов. Тогда они решили с помощью белогвардейцев силой добиться осуществления своих притязаний. 30 ноября 1921 года белоповстанческие войска неожиданно вышли из «нейтральной полосы», охранявшейся японцами, и перешли в наступление против войск НРА в момент реорганизации партизанских отрядов в регулярные части. Сосредоточение частей Народно-революционной армии на наиболее угрожаемых направлениях еще не было закончено. Этим воспользовался противник. Оказав упорное сопротивление под Иманом, Бикином и Казакевичевом, войска НРА после ожесточенных боев вынуждены были отойти к Хабаровску, а затем в ночь на 22 декабря оставить его.

Блюхера срочно вызвали из Дайрена. 18 декабря он прибыл в Читу и в тот же день информировал

Народное собрание ДВР о переговорах с Японией, о результатах реорганизации армии и о мероприятиях, намеченных им по разгрому белоповстанцев.

Между тем с фронта поступали тревожные сведения: белогвардейцы продолжали наступать, заняли Волочаевку и подошли к станции Ин. Для руководства боевыми действиями создается штаб Восточного фронта во главе с С. М. Серышевым и членами Военного совета П. П. Постышевым и Б. Н. Мельниковым. Одновременно В. К. Блюхер приказывает мобилизовать коммунистов Приморской и Амурской областей и влить их в действующие части, принять «исключительные меры к сбору рассеявшихся приамурских партизан, дав им задачу нападения на ближайший тыл наступающих частей противника». На фронт направлялись свежие части, запасы боеприпасов, обмундирования и продовольствия.

24 декабря 1921 года В. К. Блюхер сообщил Военному совету Восточного фронта, что для укомплектования и усиления частей объявлена мобилизация в Амурской и Приамурской областях, приступили к формированию партизанских отрядов, терчастей, производится мобилизация в Забайкалье для срочной подготовки и формирования маршевых рот, отправлены крупные суммы золотой валюты для заготовки продфуража и т. д.

Принятые меры помогли не только остановить натиск противника, но и нанести ему в ночь на 28 декабря в районе станции Ин сильный контрудар, в результате которого белогвардейцы были отброшены к станции Ольгохта.

Инский бой знаменовал собой коренной перелом в развитии боевых действий в пользу НРА. Главком поздравил участников боя с первой крупной победой. В телеграмме, присланной на имя С. М. Серышева,

он просил передать «всему личному составу, принимавшему участие в Инском бою, глубокую благодарность Военного совета и правительства Дальневосточной республики, выделить отличившихся и представить их к награде».

5 января 1922 года Инская группа войск Восточного фронта предприняла первое наступление на Волочаевку, где противник спешно возводил укрепления. Но оно не было успешным. Основной причиной неудачи, отмечал В. К. Блюхер, было «отсутствие разведки перед боем и как результат полная неизвестность группировки сил противника к его флангам».

С. М. Серышев приказал повторить наступление, однако В. К. Блюхер отменил его, так как был уверен, что до сосредоточения всех частей Забайкальской группы и проведения тщательной подготовки оно снова потерпит неудачу. Он разработал свой план проведения Волочаевско-Хабаровской операции. Основная его идея сводилась к окружению и уничтожению противника в районе Волочаевки.

Для выполнения его В. К. Блюхер энергично взялся за мобилизацию всех сил на отпор врагу. Он работал дни и ночи. «Первое, что поразило меня в этом человеке, — вспоминал боевой соратник Василия Константиновича Я. З. Покус, — это его трудолюбие и трудоспособность. Почти ежедневно Василий Константинович возвращался домой в четыре часа утра. Он вел непрерывно переговоры, давал приказания, составлял планы, вникал в самые, казалось бы, мелкие дела. Когда кончался трудовой день, он любил в кругу друзей за чашкой чая вспоминать эпизоды перекопских боев, уральского похода, задавался планами, делился своими думами».

В эти напряженные дни Блюхер написал большую статью под названием «Твоя очередь, тыл», в которой

призывал население усилить помощь фронту. Одновременно Военный совет НРА от лица армии обратился к населению с призывом энергичней развертывать партизанскую борьбу в тылу врага. Во главе движения становится Военно-революционный штаб партизанских отрядов Приамурской области, а в январе 1922 года — штаб партизанских отрядов Приморья.

И началась война в тылу врага. Партизаны взрывали склады, железнодорожные мосты, нарушали связь, окружали и уничтожали гарнизоны противника¹.

Набирала силы для окончательного разгрома врага и Народно-революционная армия. Каждый день пополнялись ее ряды коммунистами. Партийная организация Хабаровска в полном составе влилась в воинские части, 500 коммунистов прислала Забайкальская область. С Центральных читинских военно-политических курсов было отправлено на фронт 120 молодых коммунистов.

В январе по инициативе главкома в республике активно прошла неделя помощи фронту. Она проводилась под лозунгом «Все для победы над контрреволюцией!». На сборные пункты население несло полушубки, валенки, шапки, рукавицы — все, что могло пригодиться для армии.

Встревоженные быстрыми успехами НРА, командование белых и интервенты всеми силами пытались превратить Волочаевку в неприступную крепость, в

¹ В ночь на 12 января партизанский отряд совершил налет на Хабаровск, где располагался штаб Молчанова, уничтожил много солдат и офицеров. Перепуганные белогвардейцы сняли из-под Волочаевки два полка с артиллерией и направили их для преследования партизан. Но и эти части были разбиты в селе Князь-Волконка.

«дальневосточный Верден», так как она являлась стратегическим узлом: для ДВР была ключом к Приморью, для белых — ключом к Забайкалью и Восточной Сибири. Кто закрепится в ней, тот обеспечит себе стремительное наступление в будущем.

Вот почему противник сосредоточил здесь свои лучшие части. Восемь рядов колючей проволоки было возведено на подступах к позициям. С юга и запада проволокой был опутан даже кустарник. За проволочной изгородью соорудили еще одну преграду: из мешков с землей, обильно политых водой, образовалась высокая ледяная стена. Все подходы были тщательно пристреляны. Отлично оборудованные многочисленные наблюдательные пункты, пулеметные и артиллерийские позиции давали неприятелю огромные преимущества. В ближайшем тылу у него были хорошо накатанные дороги и теплые дома, где солдаты могли укрыться от мороза. Войска Народно-революционной армии должны были наступать по равнине, покрытой глубоким и рыхлым снегом.

28 января 1922 года для непосредственного руководства боевыми операциями на станцию Ин прибыл В. К. Блюхер вместе с полевым штабом. «Я приехал на станцию Ин,—вспоминал впоследствии Василий Константинович,—и приказал выстроиться для осмотра. Кое-кто тогда ругался: «Вот идиоты! Тут драться нужно, а они парад вздумали». Я говорю Постышеву: «Павел Петрович, нужен парад, чтобы люди видели, что это не отдельные кучки, а целое войско. Во-вторых, чтобы народ понял, что наступило время дисциплины, без которой ничего не сделаешь. Можно и померзнуть во имя этой дисциплины». И мы три часа мерзли. Проехались по фронту, устроили митинг, и впервые в истории наша армия прошла церемониальным маршем».

Об этом параде вспоминал командир 6-го полка А. Захаров: «Выстроенные в длинные ровные шеренги бойцы имели бодрый, праздничный вид. Над головами реяли пунцовые знамена и плакаты с лозунгами: «Хабаровск должен быть красным!», «Вперед за освобождение Приморья!», «Привал на Имане — отдых во Владивостоке!», «Волочаевка будет нашей!» Когда на трибуне появился главком, морозный воздух разорвался от оглушительного «ура». Он произнес страстную речь, в которой не скрывал трудностей предстоящих сражений и призвал бойцов к решительной победе».

В. К. Блюхер умел воздействовать на массы. Его выступления отличались четкостью поставленных задач, немногословностью, доходчивой и убедительной аргументацией, увлекающим пафосом боевых призывов.

Накануне штурма Волочаевки Василий Константинович, как и перед штурмом Перекопа, попытался избежать кровопролития. Он направил командующему белогвардейскими войсками генералу Молчанову письмо, в котором писал: «Какое же солнце предпочитаете Вы видеть на Дальнем Востоке? То, которое красуется на японском флаге, или восходящее солнце новой русской государственности, начинающее согревать нашу родную землю после дней очищающей революционной грозы? Какая участь Вам более нравится — участь Колчака, Врангеля или Унгерна или жребий честного гражданина своей революционной Родины? Вы всюду твердите, что боретесь за великую Россию, за национальное возрождение ее, за раскрепощение ее от большевиков, ведущих антинациональную политику. Так ли это? Вы, конечно, знаете, что единственной, кто стоял за единство России, кто отстаивал ее от вожделений ино-

странных империалистических акул, была существующая в революционной России Советская власть. Я — солдат революции и хочу говорить с Вами, прежде чем начать последний разговор на языке пушек. На этих сопках и без того много могил. В случае продолжения борьбы одна из них будет Вашей. Я именем русского революционного народа в последний раз гарантирую Вашим солдатам, офицерам и Вам сохранение жизни в случае, если Вы добровольно прекратите сопротивление и сложите оружие. Драгоценная кровь русского народа заставляет меня обратиться к Вам с последним словом. Своих слов я на ветер не кидаю, так же как и не на ветер будут выпущены пули нашей Народно-революционной армии, если борьба будет продолжаться».

Это письмо В. К. Блюхера — один из ярких примеров большевистской агитации. Оно было широко распространено среди войск противника и своей аргументацией и страстностью сыграло большую роль в разложении белогвардейской армии.

Командующий белоповстанческой армией отказался разговаривать с парламентарем и не считал нужным ответить на обращение Блюхера. Тогда главком отдал приказ о наступлении.

Прежде всего необходимо было овладеть станцией Ольгохта, чтобы превратить ее в плацдарм для разветывания наступления на Волочаевку.

5 февраля 2-й полк при поддержке 3-й батареи и бронепоезда № 8 ворвался на станцию и занял ее. И сколько войска Молчанова ни пытались окружить станцию и вновь захватить ее, красные артиллеристы стойко отражали все их атаки. За самоотверженную борьбу главком представил 3-ю батарею к ордену Красного Знамени и наградил серебряным кубком с надписью: «За беспримерную и лихую работу в

ночь с 7 на 8 февраля 1922 года под разъездом Ольгохта».

Накануне штурма Волочаевки Блюхер собрал совещание командного состава. Он хотел еще раз обсудить план предстоящей операции, дать последние указания. Используя опыт Перекопа, Василий Константинович приказал командиру сводной стрелковой бригады Я. З. Покусу «сформировать штурмовые взводы, которые свести в штурмовые колонны, имеющие задачей прорыв заграждений. Штурмовые колонны снабдить гранатами, ножницами, кошками и топорами».

К 10 февраля все приготовления были закончены, и главнокомандующий издал приказ о наступлении. «В ночь на 10 февраля войска НРА начали разворачиваться,— вспоминал впоследствии В. К. Блюхер,— а утром — жестокий, полный героизма бой за Волочаевку. Войска Народно-революционной армии, вступившие в бой, были уверены в своей победе. Эта уверенность была выкована в войсках большевиками во главе с П. П. Постышевым. Войска шли в бой с лозунгами: «Волочаевка будет наша!» Бойцы, командиры и политработники шли в бой с твердой решимостью победить. Так начались волочаевские дни».

Сводная бригада Я. З. Покуса, партизанские отряды Ф. М. Петрова-Тетерина и И. П. Шевчука начали непосредственный штурм волочаевских укреплений, а Забайкальская группа Н. Д. Томина направилась вдоль Амура в обход левого фланга для удара по ближайшему тылу неприятеля и окружения его в районе Хабаровска.

Первыми подошли к проволочным заграждениям бойцы 6-го полка и бросились на штурм. Ножниц не хватало, и бойцы прикладами рвали колючую проволоку, штыками копали промерзшую землю и выта-

скивали колья. Противник открыл сильнейший перекрестный огонь из пулеметов и бронепоездов. Многие полегли здесь.

В центре вражеские укрепления штурмовала команда разведчиков особого Амурского полка, но она застряла. Дважды командир 6-го полка А. Захаров водил своих бойцов в атаку, но сильный огонь преграждал им путь. Не помог и единственный танк. На подходе к заграждениям он был подбит.

Продолжать атаку дальше было бессмысленно. Бойцы лежали перед проволокой, зарывшись в снег. Бой не дал заметных результатов. Более 400 человек выбыло в тот день из строя. К ночи мороз усилился, поднялась пурга. Всю ночь и весь следующий день бойцы находились под открытым небом, не получая горячей пищи. Чтобы не отморозить ноги, они залезли в набитые сеном мешки.

В результате боя была уточнена система укрепленных позиций, расположение огневых точек. Это дало возможность Блюхеру на следующий день перегруппировать войска и подготовить их к новому наступлению. К вечеру 11 февраля были восстановлены железнодорожные мосты и к фронту подтянулись бронепоезда.

Одновременно главком потребовал от Н. Д. Томина, разбившего противника на правом фланге и освободившего опорные пункты Верхне- и Нижне-Спасское, «самым решительным образом прийти на помощь Сводной стрелковой бригаде... и нанести удар в тыл волочаевской группе противника. Удар должен быть скорым и решительным».

На рассвете 12 февраля три орудийных выстрела бронепоезда № 9 послужили сигналом для новой атаки. После часовой артиллерийской подготовки бойцы в едином порыве бросились на штурм. Атакующие

цепи приблизились к окопам противника. Падали убитые и раненые. На смену им устремлялись свежие подразделения. Вражеские бронепоезда обрушили на них ураганный фланговый огонь. Тогда на помощь пехоте пришли артиллеристы. Они заставили неприятельские бронепоезда отступить. И тогда бронепоезд № 8 стремительно двинулся вперед, ворвался в расположение противника и открыл огонь из всех видов оружия. Противник растерялся. Этого только и ждали бойцы, штурмовавшие Волочаевку. Они поднялись и ринулись в атаку. По фронту прокатилось громкое «ура». Преодолев все препятствия, красные воины ударили в штыки.

Одновременно обходная колонна Н. Д. Томина вышла в тыл врага и подожгла деревянный мост в нескольких километрах от Волочаевки.

В оперативной сводке полевого штаба НРА за 12 февраля говорится, что «Сводная стрелковая бригада, окружив к вечеру 11 февраля Волочаевку, сегодня перешла в решительную атаку, действуя на правом фланге 6-м и 3-м стрелковыми полками, и одновременно ударом 4-го кавалерийского полка со стороны Даниловки в 11 час. 32 мин. заняла Волочаевку. Соппротивление было настолько велико, что наши части, бросаясь на укрепления противника, расстреливались картечью, повисая на проволоке».

Преследуя противника, части Народно-революционной армии 14 февраля освободили Хабаровск. Деморализованные остатки бывшей белогвардейской армии двумя группами — по Уссурийской железной дороге и по долине реки Уссури уходили в Приморье под защиту японских штыков.

Много поздравительных телеграмм получили герои Волочаевки. «Преклоняясь перед памятью погибших, восхищены героизмом живых, шлем пламенный

привет и поздравления с возвращением Хабаровска всем доблестным бойцам и их вождю, оправдавшем доверие Республики. Председатель Совета Министров ДВР Никифоров». «Реввоенсовет Сибири,— говорилось в другой телеграмме,— поздравляет доблестные части Народно-революционной армии со взятием Хабаровска».

За беспримерную доблесть, стойкость и отвагу, проявленные в боях под Волочаевкой, 6-й стрелковый полк, бронепоезд № 8 и наиболее отличившиеся воины были награждены орденом Красного Знамени. 6-й, впоследствии 4-й, полк стал именоваться Волочаевским.

Среди награжденных был военком сводной стрелковой бригады В. Г. Трегубенков. Он был удостоен ордена за то, что в бою «под станцией Волочаевкой 12 февраля 1922 года, когда наши части под покровом ночи подошли к первому ряду проволочных заграждений, он, личным примером увлекая за собой бойцов, невзирая на яростный огонь противника, бросился на проволочные заграждения, чем способствовал успеху наших частей на этом участке боя».

Беспримерные мужество, героизм и выносливость бойцов и командиров НРА В. К. Блюхер отметил в специальном приказе: «Я был свидетелем того революционного порыва, стойкости и мужества, с которыми вы держались под бешеным натиском наших врагов в течение трехдневного боя под Волочаевкой. На морозе, без горячей пищи, с куском замерзшего хлеба в кармане, под ураганным пулеметным и оружейным огнем вы грудью прорвали проволочные заграждения цитадели и наконец своими стремительными, всеразрушающими атаками выбили противника из его укрепленного гнезда... Я затрудняюсь выделить доблесть какой-нибудь отдельной части:

геройски боролись и самоотверженно глядели в лицо смерти все... Одно могу сказать, что беззаветную преданность делу революции и Республике, нечеловеческую выносливость, редкую доблесть, мужество, величайшее самопожертвование и революционный порыв проявила армия при выполнении возложенной на нее трудовым народом боевой задачи...»

В ожесточенных боях под Волочаевкой войска НРА потеряли 550 человек убитыми и около 1200 ранеными и обмороженными. Для увековечения памяти павших в бою за Родину героев военный министр ДВР В. К. Блюхер приказал всех, кто с беззаветной доблестью погиб в жестоком бою под Волочаевкой, похоронить в общей братской могиле на вершине сопки Июнь-Карань. «Пусть последнее место успокоения красных орлов постоянно напоминает всем гражданам нашей республики о славной странице борьбы Народно-революционной армии и воодушевляет бойцов на новые подвиги к достижению нашей исторической, революционной цели на Дальнем Востоке»¹.

В июле 1922 года Блюхера отозвали в Москву. Проводы его вылились в яркую демонстрацию любви и уважения к нему армии и трудящихся Дальнего Востока.

7 июля на специальном заседании правительства председатель Совета Министров ДВР П. М. Никифоров поблагодарил Василия Константиновича за все его труды и заслуги в деле создания вооруженных

¹ Рядом с братской могилой ныне возвышается огромное здание в виде ледяного сугроба. Это памятник-музей. На его крыше стоит отлитая из бронзы фигура бойца с поднятой в руке винтовкой. Здесь же в 1972 году установлен мраморный бюст В. К. Блюхеру и гранитный обелиск от семьи полководца.

сил Народно-революционной армии и флота и умелое руководство боевыми операциями и вручил ему Почетную грамоту, в которой говорилось: «Ваши труды по военному строительству и Ваши боевые заслуги будут ценным вкладом в историю нашей армии. Вы были не только Главкомом — начальником, но и трибуном, товарищем, за которым массы шли не только по приказу, но и по призыву. Когда трудовому правительству потребовались Ваши познания в качестве дипломата, оно делегировало Вас в Дайрен для ведения переговоров с правителями Японии. Когда же для поддержания своих милитаристских посягательств правительство Японии прибегло к вооруженному давлению на нашу территорию при помощи меркуло-каппелевцев, Вы, как солдат революции, вооруженной рукой, в невероятно тяжелых условиях зимних операций отразили натиск врага, штурмом взяв второй Перекоп — укрепленный плацдарм Волочаевки. За Вашу работу на пользу Революции и трудового народа Дальневосточной республики Совет Министров постановляет: зачислить Вас навсегда почетным бойцом Народно-революционной армии с занесением в списки 1-й роты и 4-го Волочаевского ордена Красного Знамени стрелкового полка».

В августе 1922 года Василий Константинович был назначен командиром-комиссаром 1-го стрелкового корпуса, стоявшего в Петрограде и его окрестностях. Принимая во внимание исключительно важное стратегическое положение города, В. К. Блюхера вскоре утверждают одновременно и комендантом Петроградского укрепленного района.

Одной из основных задач, стоявших перед командиром корпуса и его заместителем героем гражданской войны Я. Ф. Фабрициусом, являлось всемерное повышение боевой готовности и боеспособности

войск, совершенствование и строительство новых укреплений. Все силы и богатый опыт отдавали они этому делу. Два года продолжалась мирная жизнь полководца.

* * *

Осенью 1924 года Блюхера направляют в Китай главным военным советником Национально-революционного правительства Сунь Ят-сена. Это было время, когда под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в Китае ширилось революционное движение. Возглавил его демократический фронт, образованный в 1924 году на основе союза Коммунистической партии Китая и партии гоминьдан¹. Для того чтобы выполнить ближайшие задачи революции — объединить Китай и завоевать национальную независимость, нужна была армия, хорошо обученная и вооруженная и в то же время верная революции. Глава правительства Сунь Ят-сен обратился к Советскому Союзу за помощью: «В этой борьбе я рассчитываю на Вашу великую страну, дружба и помощь которой могут дать мне возможность освободить Китай из мощной хватки империализма и восстановить нашу политическую и экономическую независимость».

¹ Гоминьдан — национальная партия Китая, созданная в 1912 году и игравшая прогрессивную роль; с 1927 года превратилась в реакционную партию буржуазии и помещиков. Сунь Ят-сен, ее основатель, выдвигал широкую программу национального объединения Китая, свержения власти милитаристов, избавления от чужеземной зависимости и создания условий для социального и экономического прогресса нации, а также развития дружественных отношений с СССР. 12 марта 1925 года Сунь Ят-сен умер. Вся полнота власти перешла в руки Чан Кай-ши, который начал проводить линию на свертывание революции и в апреле 1927 года предал ее.

Советский народ, верный идеям пролетарского интернационализма, откликнулся на призыв революционного Китая. В распоряжение Национально-революционного правительства была направлена группа военных советников во главе с П. А. Павловым, который вскоре трагически погиб, утонув в реке. Главным военным советником был назначен В. К. Блюхер. В Китае он носил фамилию Галин¹. Военные советники приняли активное участие в создании Национально-революционной армии (НРА), в которую влились тысячи добровольцев из рабочих Кантона и революционно настроенной молодежи.

Для усиления воспитательной работы в армии было создано политическое управление, в корпусах — политотделы, опиравшиеся в своей работе на военных комиссаров, введенных по инициативе Блюхера, и ячейки Коммунистической партии. Было централизовано управление НРА и упорядочено снабжение. Большую работу провели советники в области обучения войск. Значительную роль в этом отношении сыграли выпускники специальной военной школы, созданной с помощью русских советников на острове Вампу.

Советское правительство по просьбе Сунь Ят-сена

¹ В своих мемуарах «На службе народу» Маршал Советского Союза К. А. Мерецков рассказывает, что иностранные корреспонденты долго ломали голову над тем, кто тот человек, что дает Сунь Ят-сену такие квалифицированные советы по военным вопросам. «Распространился слух, что это какой-то отставной генерал Гален. Сотрудники генштаба Франции тщетно искали в своем военно-учетном столе личного состава такую фамилию и в ответ на вопросы журналистов лишь пожимали плечами. Тогда дотошные газетчики приступили к поискам с другого конца и докопались, что мифический француз — это не кто иной, как герой гражданской войны в Советской России, приехавший в Китай по приглашению д-ра Сунь Ят-сена».

направило в Кантон пароход с оборудованием для школы. Нашим морякам оказали там горячий прием. На состоявшемся митинге была зачитана телеграмма Сунь Ят-сена, в которой говорилось: «И СССР, и мое правительство стремятся к уничтожению империализма и к освобождению малых и слабых национальностей от их угнетателей. Ваше судно пришло издалека, и его прибытие является доказательством дружбы, существующей между обоими народами, которые вместе будут работать над преодолением препятствий, стоящих на пути к утверждению равноправия всех рас и народов. Это будет благом не только для наших двух народов, но и для всего мира. Да здравствует СССР!»

В школе изучались военные дисциплины и боевой опыт Красной Армии. Здесь воспитывались многочисленные кадры командного состава, преданные революции. Политотдел школы давал молодым командирам хорошую политическую подготовку¹.

Впервые в истории Китая была создана революционная армия, представлявшая собой надежную и боеспособную силу.

Сунь Ят-сен вынашивал идею объединения страны во главе с революционной властью. Но для этого необходимо было разгромить армии милитаристов², хозяйничавших на Севере Китая. В. К. Блюхер, изучив обстановку, пришел к выводу, что надо прежде

¹ «...Политическая активность школы ширится,— писал В. К. Блюхер,— и, связанная с рабочими организациями через работающих в ней коммунистов, она становится во главе общественно-политического движения в Кантоне».

² Значительная территория страны находилась тогда в руках военщины — генералов, стоявших во главе отдельных провинций. Оружие и деньги они получали от иностранных держав, каждая из которых стремилась к усилению своего влияния в Китае.

всего укрепить позиции гоминьдана в Гуандуне на юге Китая. «Опыт показывает,— писал В. К. Блюхер,— что она (Северная экспедиция) будет успешной лишь при условии вполне закрепленного тыла (Гуандун) и благоприятной для нее обстановки в соседних провинциях. Ни одного из этих условий сейчас нет, поэтому вопрос о Северной экспедиции должен быть снят до тех пор, пока не будет решен вопрос о полном закреплении Гуандуна и ликвидации Чэнь Цзюнь-мина». План Блюхера был принят.

В феврале 1925 года НРА нанесла сильный удар по войскам милитариста Чэнь Цзюнь-мина, пытавшегося захватить столицу революционного Китая — город Кантон. В результате упорных боев революционные войска и партизанские отряды разбили неприятеля¹, более 7 тысяч солдат захватили в плен и разоружили. Это было первое крупное вооруженное выступление объединенных революционных сил Китая против милитаризма и иностранного империализма.

1 октября 1925 года НРА возобновила наступление. Под ее ударами противник медленно отходил на восток. Особенно упорный бой разгорелся за крепость Вай-чжоу. Участник штурма крепости военный советник Н. И. Кончиц — ныне генерал-майор в отставке — рассказывает: «Взять крепость было очень трудно. Она была окружена высокой и широкой ка-

¹ О поведении военных советников советский полпред в Китае Л. М. Карахан писал 1 марта 1925 года: «Наши товарищи обыкновенно идут впереди всех, и товарищ Блюхер против китайского обыкновения, по которому генералу полагается сидеть по крайней мере за 100 верст от военных действий, сам присутствует постоянно на фронте, и в один из критических моментов он даже взялся командовать бронепоездом. Это очень сильно поднимает настроение у китайцев».

менной стеной, с трех сторон омывалась водой. По-дойти к Вай-чжоу с суши можно было только с юга. Крепость считалась неприступной: за много столетий 37 раз пытались взять ее, и все напрасно. Годами выдерживала она осаду... А вот перед бурным натиском молодой революционной армии крепость впервые не устояла. Наступательный порыв был настолько высок, что ни водная преграда, ни высокие стены не смогли сдержать героев».

13 октября 1-я дивизия НРА бросилась на штурм крепости. Очень помогла артиллерия, руководимая русским советником Гилевым. Ей удалось к концу дня разрушить северные ворота, но противник выставил два станковых пулемета и преградил путь революционным частям. Прямо у крепостных стен — еще одно чисто средневековое препятствие: торчащие из земли заостренные бамбуковые кольшки и гвозди, обмазанные ядом. Но и это не смогло остановить народоармейцев. На следующий день штурм возобновился с новой силой. Под вечер бойцы 4-го полка ворвались в крепость.

К концу 1925 года вся провинция Гуандун была объединена под властью Национально-революционного правительства. Войска НРА начали готовиться к походу на север с целью объединения страны.

Вернувшись в Китай в мае 1926 года после лечения в СССР, В. К. Блюхер вместе с советниками и китайскими генералами принял активное участие в разработке плана Северного похода. В проекте, разработанном в его отсутствие, предусматривалось одновременное наступление против двух основных группировок противника, но для этого недоставало сил у НРА. Поэтому в своем докладе в Москву от 5 июля 1926 года Блюхер писал: «С первых же дней после приезда и все последующее время ставил

себе задачей изменить этот план и ограничить операцию пределами провинции Хунань. После многих совещаний мне удалось 23 июня добиться согласия на изменение плана и отказ от немедленного движения в Цзянси».

План предусматривал концентрацию главных сил на хунань-хубэйском направлении для разгрома войск генерала У Пэй-фу и захвата Уханя с одновременным оставлением заслона на границах Гуандуна. Выполнив эту задачу, войска перебрасывались на восток для разгрома другого милитариста — Сунь Чуань-фана и освобождения провинций Цзянси, Фудзянь, Аньхой, Дзянсу, Чжецзян. Вслед за этим армия переходила в наступление на север, вдоль железных дорог Пекин — Ханькоу и Тяньцзинь — Пукоу, имея задачу разгромить других милитаристов и освободить Пекин.

Это был смелый и единственно правильный в тех условиях план. Он давал возможность разбить противников поодиночке небольшими силами¹. План был принят, и 9 июля 1926 года НРА приступила к его выполнению. Коммунистическая партия Китая поддержала идею Северного похода. По ее призыву народные массы активно выступили на помощь революционным войскам. Тысячи гуандунцев вместе с частями НРА вышли в поход в качестве носильщиков, грузчиков, проводников. Рабочие, студенты и крестьяне создавали специальные отряды по уходу

¹ К началу Северного похода НРА имела семь корпусов, насчитывавших около 100 тысяч человек. Силы противника, возглавляемые генералами У Пэй-фу и Сунь Чуань-фаном, в два с лишним раза превосходили численность войск НРА. Они имели 270 тысяч солдат и значительно лучшее вооружение, полученное от иностранных империалистов.

за ранеными, по ремонту дорог, организовывали сбор подарков для бойцов.

Непосредственно в войсках находился В. К. Блюхер с военными советниками. Они разделяли с китайскими товарищами по оружию все трудности фронтовой жизни.

В авангарде шел отдельный коммунистический полк. Основное ядро его составляли коммунисты. Условия движения были весьма тяжелыми: дорога шириной в метр, а местами и того меньше, невыносимая жара и упорное сопротивление неприятеля. «Движение войск происходило,— писал старший советник по артиллерии Бородин,— в самый жаркий период времени года... усугубленное бездорожьем северной части провинции Гуандун и южной части провинции Хунань. Кроме того, в указанных провинциях свирепствовала холерная эпидемия. В результате... некоторые корпуса потеряли до 50% личного состава».

Первым крупным успехом НРА была победа в боях под городом Лилином. Вслед за тем была занята Чанша — центр провинции Хунань. Чем дальше продвигалась армия на север, тем ожесточеннее становились бои. 19 августа началось сражение на реке Мишуй, в районе сильно укрепленного города Пинцзян. Смелым маневром отдельный коммунистический полк при активной помощи партизан разбил бригаду противника. Части НРА сразу рванулись вперед. По горным тропинкам шли бойцы, не давая неприятелю остановиться. Воины шли в бой с лозунгами: «Долой империалистов!», «Долой феодалов!», «Землю — народу!» Войска были проникнуты наступательным революционным духом. Уже в первых сражениях благотворно сказалась активная поддержка армии широкими народными массами.

Освободив провинцию Хунань, войска НРА стремительно двинулись к одному из крупнейших экономических и политических центров Китая — Уханю (название трех расположенных по обоим берегам Янцзы крупных городов: Ханькоу, Ханьяна и Учана).

Стремясь во что бы то ни стало удержать этот важный центр торговли и коммуникаций, У Пэйфу — правитель провинции Хубэй — сосредоточил главные силы на выгодной позиции у станции Ден Си-чао. Двадцать три часа длился ожесточенный бой. «Части НРА несколько раз бросались в штыки и штыками же отбивались, — писал в своем дневнике советник 4-го корпуса В. Е. Горев (Никитин). — Утром 27 августа собрали все свои резервы и вновь атаковали, чем и сломили противника, который начал быстро отступать. Этой победой были разрушены все китайские представления, по которым позиция у Ден Си-чао считалась неприступной. Когда узнали, с кем дрались, то даже страшно стало. Оказалось, что против 6 полков НРА дрались 12 полков врага. Зато результат был большой. Половина сил врага была уничтожена». Свыше 5 тысяч человек было взято в плен.

Участь Уханя решилась в сражении 30 августа между озерами Ляндзи и Хуантин. Три линии окопов с проволочными заграждениями соорудил здесь противник под руководством японских инструкторов. Чтобы избежать лишних потерь, В. К. Блюхер рекомендовал прорвать оборону внезапной ночной атакой. Восемь часов кипел ожесточенный бой. Неприятель предпринял четыре штыковые контратаки, но все они были отбиты с большими для него потерями. Усиливая натиск, войска НРА к утру прорвали все укрепления и освободили города Ханьян и Ханькоу.

Остатки войск противника засели за крепостными стенами. Сорок дней продолжался штурм Учана. Советские летчики Сергеев и Кравцов с высоты 50 метров бомбили и обстреливали гарнизон противника. 10 октября кантонцы пошли в решительную атаку. Не щадя жизни, они взбирались по легким бамбуковым лестницам на крепостную стену. Противник поливал их пулеметным огнем, обливал горячей смолой и сбрасывал сверху груды камней.

Несмотря на потери, Национально-революционная армия мужественно штурмовала Учан. К вечеру противник не выдержал и капитулировал. Еще одна провинция — Хубэй была освобождена.

Теперь задача Национально-революционной армии состояла в том, чтобы успешно провести операцию против Сунь Чуань-фана — правителя Цзянсийской провинции. «План Цзянсийской операции, прекрасно разработанный Галиным, был полностью принят, — писал советник 6-го корпуса Н. И. Кончиц. — Приказ о наступлении, составленный им с подробными указаниями задач каждому корпусу, предусматривавший даже возможные варианты действий противника, был переведен на китайский язык и подписан главнокомандующим». В ходе сражения Василий Константинович предлагал «избегать направления больших сил в лоб укрепленных позиций противника, а искать решения в обходе их и фланговых ударах».

Большое значение в осуществлении этого плана Блюхер придавал политической работе в войсках. Он рекомендовал развернуть широкую работу по разъяснению задач Северной экспедиции, ее значения для национальной революции и завоевания независимости страны. В конце октября начался второй этап Северного похода. «Войска Сунь Чуань-фана, —

доносил Блюхер,— дерутся отлично. Они отличаются от нас внешним видом, рослостью, хорошо снабжены, имеют много пулеметов и орудий. Несмотря на огромное техническое и численное превосходство, наша южная мелкота ведет себя в бою выше всяких похвал... Победу покупаем исключительно упорством, штыком и ночными атаками». Несмотря на необычайные трудности, Цзянсийская операция завершилась полным разгромом противника.

15 ноября Василий Константинович писал: «Армиям Сунь Чуань-фана и собственно цзянсийским войскам окончательное поражение нанесено 5 ноября... Окруженные с юга и севера остатки войск разоружены 9-го. Взято около 40 000 винтовок, несколько десятков орудий и много пулеметов. Большое число оружия было брошено противником в реки... Район Цзюцзяна и Наньчана запружен пленными, число коих превышает 40 тысяч».

Освободив провинцию Цзянси, войска НРА вступили в провинцию Аньхуэй и к концу ноября 1926 года овладели ее главным городом — Аньцином. Противник, не выдерживая мощных ударов революционной армии, отступал к Шанхаю и Нанкину.

21 марта 1927 года в Шанхае произошло восстание, а на следующий день в город вступили части НРА. 24 марта был взят Нанкин. Это была огромная победа революционных сил Китая. Московский губернский совет профсоюзов писал рабочим Шанхая: «С напряженным вниманием пролетариат Красной столицы день за днем следил и следит за вашей героической борьбой. Мы всегда были с вами, как в дни поражений, так и в дни ваших радостных побед. С великой радостью и гордостью мы встретили весть о вашей победе... Московский пролетариат уверен, что вы доведете до конца свое историческое дело, и

со своей стороны обещает, что в вашей борьбе всегда будет с вами».

В результате Северного похода были разгромлены милитаристы, хозяйничавшие в Центральном и Южном Китае. В пять раз расширилась территория национального правительства, а население освобожденных районов возросло до 150 миллионов человек. Выросла и закалилась коммунистическая партия, значительно расширилась социальная база революции.

Свою посильную долю внесли военные советники, представители Страны Советов, и прежде всего В. К. Блюхер. Американский журналист Роберт Гульд писал, что «Галин сыграл главную роль в руководстве той военной лавиной, которая прокатилась от Кантона на север. Галину на вид даже меньше, чем его тридцать восемь лет. Он быстр, атлетически сложен, силен, а руки словно у боксера».

Большой любовью отвечали простые люди Китая на дружбу и помощь русских товарищей. Нельзя без волнения читать документы об огромном внимании китайского народа к посланцам Советского Союза. «Наиболее популярен в занятых провинциях, в особенности в тех местах, где были боевые действия, Галин,— писал советник А. Хмелев.— Галину буквально нельзя никуда выйти на улицу без того, чтобы его движение по улице не сопровождалось бурно выражаемыми овациями населения... Для китайского населения имя Галина стало нарицательным. Теперь уже всех русских советников зовут Галиными».

Газета «Цзефанжибао», говоря о поддержке, оказываемой Советским Союзом Китаю в годы первой гражданской революционной войны, писала 17 октября 1949 года: «Нужно помнить, что в то время революционный Китай был блокирован и окружен импе-

риалистами... Только наш великий союзник — Советский Союз оказывал помощь китайской революции. Благодаря прямой помощи СССР быстро была заложена основа победы китайской революции».

Размах революционного движения в Китае вызвал переполох в лагере империалистов. 24 марта 1927 года военный флот США, Англии, Франции и Японии подверг бомбардировке Нанкин. В Шанхае было сконцентрировано 20 тысяч иностранных солдат. Началась открытая война империалистов против китайского народа. Одновременно они стремились взорвать единый революционный фронт изнутри и начали переговоры с Чан Кай-ши. Ему была обещана сумма в 60 миллионов юаней. Нажим международной реакции и боязнь дальнейшего роста революционного движения привели к тому, что Чан Кай-ши изменил национально-освободительной борьбе. 12 апреля 1927 года он произвел контрреволюционный переворот, порвав с компартией. Начались массовые аресты и казни революционных рабочих и коммунистов.

В этих условиях наши военные советники вынуждены были покинуть Китай и вернуться на Родину.

Советское правительство высоко оценило военно-дипломатическую деятельность В. К. Блюхера в Китае, наградив его еще одним орденом Красного Знамени.

* * *

После возвращения из Китая В. К. Блюхер был назначен заместителем командующего войсками Украинского военного округа. Больше года работал он на этом посту, активно участвуя в строительстве Советских Вооруженных Сил, добиваясь повышения обороноспособности СССР.

Но вот летом 1929 года на Дальнем Востоке вспыхнул советско-китайский военный конфликт. 10 июля китайские власти грубо нарушили соглашение 1924 года о совместном управлении Китайско-Восточной железной дорогой, захватили по всей линии телеграф, закрыли и опечатали представительства СССР, сместили и арестовали ответственных советских работников на КВЖД, разгромили профессиональные и кооперативные организации рабочих и служащих дороги.

Советское правительство приняло все меры к мирному урегулированию конфликта, одновременно предупредив китайские власти, что «оно располагает достаточными средствами, необходимыми для того, чтобы оградить законные права народов СССР от каких бы то ни было насильственных посягательств», и потребовало прекратить все самочинные действия в отношении КВЖД, немедленно освободить советских граждан и захваченные советские представительства.

Однако китайские власти продолжали арестовывать советских граждан, чинили насилия над ними. Они подтянули к границе свои войска и начали обстреливать советских пограничников и мирное население, совершать вооруженные налеты. В этих условиях Советское правительство 17 июля решило порвать дипломатические отношения с правительством Китая и принять необходимые меры для обеспечения безопасности дальневосточных границ. 6 августа 1929 года Революционный Военный Совет СССР приказал «объединить все вооруженные силы, ныне расположенные на территории Дальнего Востока, в армию, присвоив ей наименование «Особая Дальневосточная армия». Командующим ОДВА был назначен В. К. Блюхер, членом РВС — старый коммунист

Н. Е. Доненко, начальником штаба армии — А. Я. Лапин.

Теперь партия и правительство поручали Блюхеру новое ответственное задание: обеспечить безопасность дальневосточных границ страны. Возвращение его на Дальний Восток широко комментировалось в иностранной печати. Английский журнал «Китайское обозрение» посвятил этому передовую статью под заглавием: «Галин возвращается на Дальний Восток». В этой статье говорилось: «Прибытие Галина создает положение, которое может быть небывалым (единственным) в истории. В случае войны Россия будет иметь командующим ее военными силами, действующими против Китая, человека, бывшего руководящей фигурой (лицом) в армии оппозиционного государства и с более безукоризненным, из первоисточников знанием о силах противника. Проведя более десяти лет на Дальнем Востоке, Галин хорошо знает Дальний Восток и Китай. Без сомнения, принятие командования вооруженными силами России на Дальнем Востоке Блюхером создает новую обстановку в русско-китайском конфликте».

Не желая обострять отношения с Китаем, наши пограничные части воздерживались от активных ответных действий, но китайские милитаристы этим злоупотребляли. В ночь на 18 августа на советскую территорию перешли регулярные китайские войска, которые, окружив нашу заставу, расположенную в 3 километрах от границы, открыли по ней ружейный и пулеметный огонь.

Все предупреждения правительства СССР китайские милитаристы упорно игнорировали. 25 сентября оно вновь обратилось к правительству Китая с призывом «принять надлежащие меры к прекращению преступной деятельности своих местных властей» и

предупредило, что «вся ответственность за создавшееся положение и за возможные дальнейшие последствия» целиком ложится на правительство Китая. Однако, пренебрегая интересами своего народа, китайские милитаристы продолжали провокации на границе с СССР. Это вынудило принять решительные меры к пресечению агрессии.

12 октября группа войск Особой Дальневосточной армии в составе Амурской военной флотилии и 2-й Приамурской стрелковой дивизии получила приказ Блюхера нанести по врагу ответный удар: уничтожить его Сунгарийскую флотилию, которая держала под угрозой Хабаровск и железнодорожное сообщение с Приморьем, и разрушить укрепления в городе Лахасусу. Командовать группой Блюхер поручил начальнику штаба армии А. Я. Лапину. Удар кораблей Дальневосточной флотилии явился полной неожиданностью для неприятеля. Застигнутое врасплох, командование противника потеряло управление войсками. Днем 12 октября советские моряки и десант пехотинцев овладели Лахасусу. 5 вражеских кораблей были подбиты. Остатки флотилии во главе с адмиралом Шеном поспешно ушли в Фугдин. Разрушив береговые укрепления, советские корабли в тот же день возвратились на свою базу.

Однако этот короткий, но весьма успешный удар не произвел должного впечатления на китайских милитаристов. Они продолжали обстреливать пограничные села и нападать на заставы. Тогда командарм поставил новую задачу войскам Особой Дальневосточной: разгромить гарнизоны противника, расположенные на берегу реки Сунгари от Лахасусу до Фугдина включительно, и уничтожить остатки Сунгарийской флотилии. В своем приказе Блюхер выразил твердую уверенность в том, «что все участники

операции возложенное на них почетное оперативное задание выполняют с той же энергией и умением, быстротой и преданностью Республике Советов, как это имело место 12 октября под г. Лахасусу». В Фугдинской операции участвовали 4 канонерские лодки и 3 катера Дальневосточной речной флотилии с десантом пехоты в тысячу бойцов 2-й Приамурской стрелковой дивизии при поддержке восьми самолетов. Общее командование осуществлял командующий флотилией Я. И. Озолинь.

Наступившее резкое похолодание покрыло берега реки тонким льдом. Обледенели и корабли. Предстоял тяжелый семидесятикилометровый поход в сложных навигационных условиях.

30 октября в 5 часов 30 минут флотилия двинулась в поход. Через три часа головной отряд кораблей прорвался на рейд Лахасусу и высадил небольшой десант. Находившиеся здесь белокитайцы бежали в сопки. В 10 часов наша авиация потопила крейсер «Дзян-Хин». По обмелевшей реке движение было затруднено. В двенадцати километрах от Фугдина неприятель затопил 7 барж, 2 парохода и подбитую канонерскую лодку. Шесть часов работали моряки под артиллерийским огнем в ледяной воде, проделывая проход. Наконец им удалось отвести одну из барж к берегу. Утром 31 октября советские корабли преодолели трудный участок. С помощью авиации они уничтожили Сунгарийскую флотилию. Высадившийся в районе Убдала десант встретил сильное сопротивление врага, но все же продвигался вперед. К 20 часам части 2-й Приамурской стрелковой дивизии в глубокой темноте вступили в Фугдин. Во избежание лишних потерь командование решило прекратить наступление до рассвета.

1 ноября бой за Фугдин возобновился. Белокитай-

цы не выдержали натиска и оставили город. Выполнив задачу, советские войска 2 ноября вернулись в Хабаровск.

В тот же день командующий Амурской флотилией Озолин доложил Блюхеру, что в результате операции «разгромлено гнездо приамурской контрреволюции, уничтожены береговые укрепления противника, полностью разбита и потоплена Сунгарийская флотилия. За период Сунгарийской операции принято в партию 80 человек».

Отмечая исключительные заслуги амурцев в борьбе с белокитайской контрреволюцией, Советское правительство наградило флотилию орденом Красного Знамени.

Решительные действия Особой Дальневосточной армии по разгрому вражеских опорных пунктов получили поддержку у всего нашего народа и трудящихся зарубежных стран. Командование Особой получало сотни телеграмм, в которых советские люди просили зачислить их добровольцами в ряды ОДВА.

«Мы получаем целые потоки писем от добровольцев,— говорил В. К. Блюхер,— и если их всех взять, то Особая стала бы в пять раз больше, чем теперь. В этом нет никакой надобности. Хотя Особая и немногочисленна по сравнению с белокитайской армией, но она достаточно крепка для защиты советских границ».

В начале ноября к Блюхеру прибыла делегация трудящихся Приморья. Она передала просьбу рабочих фабрик и заводов и жителей пограничных деревень оградить их от посягательств врага. Бывшие красные партизаны, требуя вооружить их, в своей резолюции заявляли: «Даешь партизанские полки и испытанных в боях партизанских командиров для последнего расчета с белобандитами!»

Долго разговаривал командарм с делегатами. Они расспрашивали о настроении бойцов, интересовались, не нужна ли их помощь. В заключение беседы Василий Константинович сказал: «Передайте рабочим Владивостока, что Особая армия выполняет свои задачи по охране границ очень неплохо. На бесчисленные налеты отвечает китайским генералам и белогвардейцам крепким и сокрушительным ударом. Рабочий класс может не беспокоиться. Винтовки находятся в верных руках. Особая не подведет».

Однако урок, преподанный китайским империалистам Амурской военной флотилией и 2-й Приамурской стрелковой дивизией, не пошел им впрок. Они спешно создавали две группировки войск: одну в Приморье, в районе Мишань-фу, вторую, наиболее крупную, — в Забайкалье, в районе городов Маньчжурия и Чжалайнор. Перебежчики сообщали, что китайские войска готовятся перерезать железную дорогу Хабаровск — Владивосток в районе станции Иман и взорвать железнодорожные туннели у озера Байкал, отрезав тем самым Дальний Восток от остальной территории СССР.

Учитывая создавшуюся обстановку, командование ОДВА приняло решение упредить наступление противника и одновременным ударом разгромить обе вражеские группировки.

В Мишаньфуской операции участвовали 1-я Тихоокеанская дивизия под командованием А. И. Черепанова, 9-я отдельная кавалерийская бригада Д. А. Вайнерха и две истребительные эскадрильи. Руководство операцией Блюхер поручил начальнику штаба ОДВА А. Я. Лапину, а сам с членом РВС Н. Е. Доненко выехал в Забайкалье, где ожидалось наиболее крупные бои.

Рано утром 17 ноября части 1-й Тихоокеанской

дивизии и 9-й отдельной кавбригады двинулись к городу Мишань-фу, расположенному на расстоянии 40 километров от границы. Кавбригада под командованием Д. А. Вайнерха вырвалась вперед и при активной поддержке авиации успешно продвигалась к цели. К концу дня она вышла в глубокий тыл неприятеля и отрезала ему пути отступления из Мишань-фу. Подоспевшие части 1-й Тихоокеанской дивизии завершили разгром противника. «Преодолев большое расстояние и неоднократные бои,— доносил Лапин командарму,— наши войска выбросили противника из основного гнезда — Мишань-фу с большими для него потерями. Возложенная на нас задача блестяще выполнена. В столкновениях наблюдалась исключительная доблесть всех бойцов и командиров; члены нашей партийной и комсомольской организаций бесстрашно бросались вперед в опасные места».

На фронте Забайкальской группы белокитайцы имели тройное превосходство в силах и мощные укрепления.

В районе города Маньчжурия, доносил С. С. Вострецов, «оборона кольцевая, хорошо развита. Впереди окопов искусственный ров, местами заложены фугасы. Отдельные участки и опорные пункты усилены проволочными заграждениями».

Такая же оборона была и в районе города Чжалайнор. Однако это не испугало Блюхера. Он решил разбить противника по частям. Основной удар наносился по Чжалайнорской группировке противника с последующей ликвидацией его в районе города Маньчжурия. 5-я Кубанская кавалерийская бригада К. К. Рокоссовского с двумя батареями дивизионной артиллерии направилась в обход сильно укрепленного города Чжалайнор. На время операции под Чжалайнором Блюхер приказал «одним батальоном

63-го полка с артиллерией и бронепоездами сковать район г. Маньчжурия, остальные подразделения 63-го полка, усиленные артиллерией, обходом с юго-запада отрезают пути отхода Маньчжурской группы в южном направлении... Вся операция должна привести к полному пленению живой силы и захвату материальной части противника при малых жертвах с нашей стороны».

На рассвете 17 ноября советские войска перешли в наступление. Два полка 36-й стрелковой дивизии и танковая рота с артиллерийским дивизионом под командованием командира дивизии Е. В. Барановича сбили подразделения китайских милитаристов и к вечеру вышли к окраине города. Там и остановились на ночь, готовясь к штурму Чжалайнора.

Наибольших успехов в этот день достигли 35-я стрелковая дивизия под командованием П. С. Иванова и 5-я отдельная Кубанская кавалерийская бригада во главе с К. К. Рокоссовским. Наступая из станицы Абагайтуевской, бригада переправилась по льду через Аргунь и вышла к железной дороге. Затем Рокоссовский двинулся к Мутной Протоке, с двумя полками переправился на западный берег реки, отрезав пути отхода противнику на юг. В течение всего дня враг неоднократно пытался прорваться, но кавбригада отразила все его атаки. Даже белокитайцы вынуждены были признать высокую боеспособность кавалерийской бригады. В обзоре боевых действий за день они писали: красные «заняли наши позиции, расположенные южнее железной дороги, и нам пришлось отступить, так как противник храбро и быстро наступал, имея хорошее вооружение, большой запас снарядов, технических частей и хорошее настроение бойцов».

35-я дивизия охватывала чжалайнорские укреп-

ления с востока. На подступах к станции Чжалайнор завязался упорный и затяжной бой. Только к вечеру станция была занята. К концу дня удалось окружить также и Маньчжурскую группировку противника.

18 ноября бой возобновился. Утром авиаразведка установила, что на пути к станции Цаган движутся воинские эшелоны с пехотой, а вдоль железной дороги — большие колонны конницы. Опасаясь подхода подкреплений, В. К. Блюхер приказал оставить заслон на разъезде Аргунь, а остальным частям немедленно атаковать город Чжалайнор и овладеть им.

После интенсивной артиллерийской и авиационной подготовки 108-й полк 36-й стрелковой дивизии, кавалерийская бригада Рокоссовского и танковая рота стремительно атаковали позиции врага с юго-запада. Встреченные сильным ружейно-пулеметным огнем, они сломали сопротивление врага. На улицах Джалайнора завязался бой. Кавалеристам пришлось спешиться. К вечеру город был полностью очищен от противника.

19 ноября войска Забайкальской группы заняли исходное положение для штурма укреплений города Маньчжурия. Почувствовав опасность, белокитайцы решили прорваться одной группой на восток, второй — на юг. Маневр врага первой группы был отвлекающим. Основные силы белокитайцев пытались прорваться на юг, однако попали под сокрушительный удар кавалерийской бригады. Конными атаками 73-го и 75-го полков и действиями спешенных подразделений при поддержке артиллерии, доносил К. К. Рокоссовский, группа противника была уничтожена, и лишь незначительная часть ее ушла в сопки.

20 ноября советские части вступили в город Маньчжурия. Гарнизон неприятеля капитулировал.

Желая прекратить дальнейшее кровопролитие, В. К. Блюхер обратился к офицерам и солдатам 1-й пехотной и 3-й кавалерийской бригад противника, двигавшихся на помощь Чжалайнору, с призывом сложить оружие. В своем воззвании он писал, что основные силы белокитайцев разгромлены, а остатки их во главе с командующим и его штабом сдались в плен, что Красная Армия защищает и впредь будет защищать права Советского государства. В целях избежания лишних потерь командарм предлагал сдать-ся в плен, «как это сделал генерал Лян, сохранив жизнь всем офицерам и солдатам, находящимся ныне у нас живыми и в полной безопасности. Условия: сложить и сдать все оружие... Красная Армия гарантирует жизнь и безопасность всем китайским офицерам и солдатам».

Белокитайцы отвергли предложение командующего Особой. Тогда 23 ноября войска Забайкальской группы по его приказу нанесли еще одно поражение противнику и заняли станцию Цаган, а через четыре дня — город Хайлар.

В разгаре боев ЦК ВКП(б) прислал приветствие воинам ОДВА: «Братский привет бойцам и командирам Особой Дальневосточной армии, отстаивающим права и интересы Октябрьской революции от посягательств китайских помещиков и капиталистов. Следите зорко за каждым движением китайских контрреволюционеров, отвечайте на удар сокрушительным ударом и помогайте тем самым нашим братьям в Китае — рабочим и крестьянам Китая разбить ярмо помещиков и капиталистов».

Мощные удары Особой Дальневосточной армии, руководимой В. К. Блюхером, привели к полному разгрому неприятеля и заставили китайских милитаристов подписать Хабаровский протокол, по кото-

рому на КВЖД восстанавливалось положение, существовавшее до конфликта.

Особая Дальневосточная армия оправдала доверие партии и народа. «Она,— отмечалось в приказе Реввоенсовета,— дала сокрушительный отпор китайским наемным войскам и белобандитам. Красноармейцы, командиры и политработники доблестно отстаивали политику Советского Союза, его права, защищали его границы...

Коммунисты и комсомольцы были впереди, во главе частей, показывали пример исполнения боевого долга перед пролетарской революцией».

Советское правительство высоко оценило доблестные действия Особой и наградило ее орденом Красного Знамени. С этого времени армия стала именоваться «Особая Краснознаменная Дальневосточная армия».

В борьбе против белокитайцев вновь проявился военный талант Блюхера. Его смелые и глубоко продуманные оперативные решения свидетельствовали о хорошем знании им обстановки, о полной уверенности в своих войсках и в успешном исходе каждой операции. Он строго контролировал решения командующих оперативных групп, побуждал их к смелым маневрам на окружение противника и нанесению ему главного удара с тыла. Образцом блестящей разработки является операция «Чжалайнор — Маньчжурия». «В. К. Блюхер и член РВС Н. Е. Доненко,— писал командир 35-й дивизии П. С. Иванов,— непосредственно руководили решающими боями под Маньчжурией 17—20 ноября, находясь в наиболее ответственных местах развертывающегося боя и передовых линиях под огнем противника. Присутствие Реввоенсовета на передовых позициях, непосредственная связь его с бойцами в огромной мере усилива-

ли боевой порыв частей и содействовали успеху боя».

Полководческая деятельность Блюхера была достойно оценена Советским правительством. «Боевые успехи Особой Краснознаменной Дальневосточной армии в защите наших границ от белокитайских наймитов и международного империализма,—говорилось в представлении Революционного Военного Совета СССР,—были достигнуты под выдающимся и искусным руководством командующего этой армией товарища Блюхера Василия Константиновича». Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР, рассмотрев 13 мая 1930 года ходатайство о награждении Блюхера, единогласно решил наградить Василия Константиновича только что утвержденным орденом Красной Звезды.

Шел 1930 год. На XVI съезде партии В. К. Блюхер от имени всего личного состава Красной Армии приветствовал делегатов съезда. Вспоминая это волнующее событие, Н. С. Смирнова пишет: «Четким, военным шагом поднимается на трибуну В. К. Блюхер. Подтянут. Чувствуется большая внутренняя сила. Он уверенно рапортует съезду о делах на границе Дальнего Востока. Во время рапорта все делегаты XVI партсъезда встают и стоя слушают Блюхера».

Вернувшись со съезда, В. К. Блюхер с особым энтузиазмом взялся за работу по укреплению боевой мощи армии. Выступая на I партийной конференции ОКДВА, Василий Константинович подверг критике обнаруженные недостатки в боевой и политической подготовке и призвал коммунистов крепить дисциплину в частях. «Говоря о промахах,—сказал он,—мы тем самым помогаем их изжить, содействуем повышению качества боевой подготовки».

В июле 1931 года в армию приехал нарком обороны К. Е. Ворошилов. Он совершал инспекционную поездку по краю, знакомился с состоянием боевой и политической подготовки бойцов и командиров, условиями их жизни, присутствовал на маневрах и учениях.

6 августа, выступая с речью на торжественном заседании Хабаровского городского Совета, посвященном второй годовщине ОКДВА, Ворошилов говорил о ее исторических победах, о необходимости превратить Дальневосточный край в неприступную твердыню социализма на Тихом океане. В конце речи нарком сообщил, что ЦИК Союза ССР наградил В. К. Блюхера за все его заслуги, за беззаветную преданность революции, за всю ту героическую работу, которую он вел за дело рабочего класса, орденом Ленина. К. Е. Ворошилов прикрепил к гимнастерке командарма два ордена: орден Красной Звезды № 1 и орден Ленина № 78.

С ответным словом выступил В. К. Блюхер. «Я не смущался в боях и не терялся в самой трудной обстановке,— сказал он.— Сегодня растерян. И потому я могу ответить на полученную награду тем, чем может ответить боец, пролетарий, член партии. Я по мере сил и умения буду честно служить партии, пролетариату, мировой революции. Заверяю партию и правительство, что буду и впредь честным бойцом партии и рабочего класса. И если от меня партия и рабочий класс потребуют жизнь за дело социалистического строительства, я отдам свою жизнь без колебаний, без минутного страха». Свою речь Василий Константинович закончил словами торжественного обещания: «Я обязуюсь по первому зову рабочего и крестьянского правительства выступить на защиту СССР от всяких опасностей и покушений со стороны

всех врагов и в борьбе за СССР, за дело социализма и братства народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни. Если по злему умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона. Но этого не понадобится, ибо я в любой момент готов отдать жизнь за дело революции».

В. К. Блюхер был истинным патриотом Дальнего Востока. Он считал, что обороноспособность дальневосточных границ базируется не только на мощи ОКДВА, но и на экономическом преобразовании богатейшего по своим природным ресурсам огромного края. В своих многочисленных выступлениях В. К. Блюхер остро критиковал местные власти за недооценку значения развития производительных сил Дальнего Востока.

Он призывал решительно покончить с иждивенческими настроениями и обеспечить себя полностью хлебом, сеном и овощами. Василий Константинович настойчиво проводил мысль о необходимости создания на Дальнем Востоке продовольственной базы. По его инициативе здесь был организован Особый колхозный корпус и многочисленные военные колхозы, которые занимались производством сельскохозяйственной продукции.

Деятельность командарма была многогранна. Его творческая инициатива не знала границ. Он непрерывно разъезжал по огромному краю, выступал на конференциях, пленумах, собраниях и совещаниях.

В мае 1932 года вместе с первыми строителями Блюхер высадился в глухой тайге, на безлюдном и диком берегу Амура в 400 километрах от Хабаровска. Здесь 12 июня 1932 года вместе со знатными рабочими А. Смородовым, М. Дурнеевым и другими

командарм заложил первый камень города молодых — Комсомольска.

Уделяя внимание развитию производительных сил края, Василий Константинович в то же время непрерывно укреплял боевую мощь ОКДВА.

Японская военщина, захватив Маньчжурию в 1932 году, стала усиленно готовиться к нападению на СССР: вдоль границ строились стратегические дороги, аэродромы, сосредоточивалась огромная армия. «Наблюдая военные мероприятия японского империализма,— заявил Блюхер на XVII съезде партии,— мы не могли и не можем остаться к ним безучастными... Мы крепко, на замок запираем наши границы... Воевать мы не хотим, но если нас заставят, вынудят, то Особая Дальневосточная Красная армия — от красноармейца до командарма, как беззаветно преданные солдаты революции — под непосредственным руководством Центрального Комитета партии ответит таким ударом, от которого затрещат, а кое-где и рухнут устои капитализма».

20 ноября 1935 года Советское правительство, по достоинству оценив военную деятельность Блюхера, присвоило ему воинское звание Маршала Советского Союза.

Тысячи поздравительных телеграмм получил тогда Василий Константинович Блюхер со всех концов страны.

Поздравляли бывшие партизаны Урала и Дальнего Востока, герои Перекопа и Волочаевки, рабочие и колхозники, пионеры и школьники.

«Дорогой Василий Константинович! — писали в своем приветствии участники общегородского партийного собрания города Артемовска. — Поздравляем Вас с высоким званием маршала. Мы искренне рады, что Ваши бессмертные заслуги перед революцией и

Родиной, которыми гордятся все трудящиеся страны, достойно оценены нашим правительством. Мы уверены, что во главе с Вами — героем Перекопа и Волочаевки — ОКДВА даст беспощадный отпор всем врагам социалистической Родины».

Гордостью за родного командарма проникнуто письмо бывших бойцов ОКДВА: «Мы, рабочая ударная бригада плотников, горячо поздравляем тебя, Василий Константинович, с получением военного звания Маршала Советского Союза. Все мы только что демобилизовались из рядов нашей славной ОКДВА и переживаем чувство гордости за Вас. Сейчас мы сменили винтовки и пулеметы на топоры и фуганки — строим город Комсомольск, овладеваем техникой строительного дела. Но если партия и правительство призовут нас в час опасности к оружию, то мы под твоим водительством, наш красный маршал, беспощадно и быстро слошим хребет любому врагу».

В четвертую годовщину начала строительства Комсомольска Блюхер вновь посетил его.

Командарм отправился туда на боевом корабле Амурской военной флотилии.

Блюхер интересовался жизнью краснофлотцев, их учебой. Всюду, где он появлялся, его окружали моряки. «Не думаете ли вы остаться на сверхсрочную службу?» — спросил Блюхер у боцмана. Тот от неожиданности смутился. Тогда Василий Константинович рассказал о том, что обстановка на Дальнем Востоке напряженная, что для обороны страны нужны подготовленные кадры.

Все внимательно слушали командарма. Когда он закончил, к нему один за другим стали подходить краснофлотцы: «Остаюсь на сверхсрочную, товарищ Маршал Советского Союза!»

Беседа продолжалась и потом, когда все перешли на корму корабля, где можно было покурить. Принесли шахматы. Блюхер сразился со старшиной Чалых и... проиграл две партии.

Наконец прибыли в Комсомольск. За четыре года здесь выросли промышленные предприятия, жилые кварталы.

Несколько дней осматривал Василий Константинович город. Он побывал в цехах, общежитиях, детских садах и школах, беседовал с рабочими и руководителями строек...

Василий Константинович упорно работал над повышением своих теоретических знаний, регулярно читал военно-историческую литературу, изучал историю войн на Дальнем Востоке, много внимания уделял военно-научной работе. Сопратники В. К. Блюхера свидетельствуют, что он имел большую библиотеку. Обладая природными способностями и большим боевым опытом, полководец настойчиво расширял и совершенствовал свои знания. В процессе напряженной творческой работы маршал глубоко осмысливал новые явления в военном искусстве, вызванные реорганизацией и техническим перевооружением армии, и добивался практического применения их в боевой подготовке войск. «Повышение технической подготовки начальствующего состава,— писал он,— должно идти нарастающими темпами, в строгом соответствии с усложнением элементов общевойскового боя, прорабатываемых на отрядных учениях. К этому вопросу должно быть неослабно приковано внимание командования, политорганов и партийных организаций».

В марте 1936 года в Приморье под руководством В. К. Блюхера были проведены общевойсковые учения войск ОЖДВА. Бездорожье, почти полное отсут-

ствии населенных пунктов и сильные морозы требовали от личного состава большой выдержки и выносливости. Войска Приморской группы под командованием легендарного героя гражданской войны И. Ф. Федько успешно справились с поставленными задачами. Они доказали, что им не страшны никакие трудности.

«Зимние тактические учения войск Приморской группы, проведенные в горно-лесистой местности,— отмечал В. К. Блюхер,— войдут в историю боевой учебы ОКДВА как одно из ее крупных и поучительных достижений. Ни бездорожье, ни крутые сопки, ни лесная чаща, ни глубокий снег не смогли сдержать боевого порыва войск. Последний день учений был особенно трудным. Дикая метель, холодный резкий ветер, обильный снегопад намного увеличили и без того большие трудности. Но и в этих условиях, при ночевках вне населенных пунктов, в лесу и сопках все бойцы и командиры показали высокую способность вести бой в столь сложной обстановке, проявили исключительную выдержку, твердость характера, силу воли, героизм и отвагу».

Командарм объявил всему личному составу, участвовавшему в учениях, благодарность и приказал изучить опыт Приморской группы во всех соединениях.

Успешно завершив зимнюю учебу, ОКДВА вступила в напряженный период летней подготовки. Вопросы овладения новой техникой, стрелкового и тактического совершенствования, борьба за повышение уровня командирской подготовки и усиление политического воспитания бойцов были в центре внимания командарма и его штаба.

Особенно интересовался маршал боевой учебой танкистов. Летом Василий Константинович приехал

в одно из танковых соединений и наблюдал, как боевые машины вместе с пехотой и артиллерией преодолевали болотистые места. Все части действовали образцово.

По окончании учений состоялся большой разбор, на котором Блюхер подвел итоги:

— Учения, — сказал он, — произвели хорошее впечатление своей организованностью, темпом, хорошими результатами стрельбы и успешными действиями всех родов войск. Можно, пожалуй, на «отлично» оценить учения, но я от такой оценки пока воздержусь и скажу — проведено хорошо. Такая учеба дает нам огромную пользу. Надо больше тренироваться в сложных условиях, на внезапных действиях, каждый раз в новых районах.

— Надо запомнить, — заявил в заключение маршал, — что никогда нельзя смягчать условий боевой работы. Я ставлю перед вами на вторую половину лета задачу — все стрельбы проводить только в сложных условиях.

В. К. Блюхер не любил засиживаться в штабе. Большую часть времени он проводил в войсках. Его интересовало все: и боевая подготовка, и как питаются бойцы и командиры, и как устроен их быт. В одной из частей маршал обнаружил серьезные недочеты в боевой и политической подготовке личного состава. Вместе с командиром части он внимательно разобрался, почему бойцы отстают в учебе, помог устранить недостатки.

Бойцы энергично взялись за учебу, развернули соревнование за досрочное овладение боевой техникой и на инспекторской проверке заняли первое место. Василий Константинович поздравил их с успехом. «Уверен, — писал он в своей телеграмме, — что бойцы, командиры и политработники батальона, ов-

ладевшие своим оружием и боевой техникой, окруженные любовью и заботой советского народа, до конца преданные партии Ленина, явятся грозной не-сокрушимой силой и разгромят всякого врага, который посмеет посягнуть на неприкосновенность границ нашей социалистической Родины. Еще раз поздравляю вас, товарищи, и желаю дальнейших успехов!»

Мирная жизнь ОКДВА часто прерывалась провокациями японской военщины. Но все налеты врага отражали герои-дальневосточники.

Утром 25 марта 1936 года японский вооруженный отряд вторгся на советскую территорию в Приморье и открыл огонь по пограничникам. После короткого боя противник поспешно бежал. Усилив отряд, он вновь перешел границу и занял высоту Безымянную. И снова враг был отброшен.

Вскоре Блюхер, беседуя с героями-пограничниками, попросил рассказать, как они отразили налет японцев.

— Я командовал эскадром,— начал капитан С. А. Бонич,— который действовал на правом фланге. Здесь же был и комиссар Пожарский. В середине боя его ранило, но он не оставил строя. Хорошо стрелял командир отделения Старостин. Пулеметчик Крутченко заставил замолчать три японских пулемета. Смело повел бойцов в атаку командир отделения Копылов. Храбро действовали и другие воины.

— Были ли случаи,— спросил маршал,— чтобы приходилось понуждать бойцов идти в атаку?

— Нет! Наоборот! — ответили в один голос все командиры. — Их приходилось сдерживать.

— Вы хорошо дрались,— сказал в заключение командарм,— и не уронили чести воинов Красной Армии.

В конце ноября 1936 года батальон японо-маньчжурских войск вновь перешел советскую границу в районе озера Ханко. И на этот раз неприятель получил достойный отпор.

В этом бою был смертельно ранен пулеметчик Семен Лагода. Вскоре он умер, но его место в строю занял брат, Иван Лагода, добровольно прибывший служить в ОКДВА.

Брат за брата! Этот патриотический поступок вызвал многочисленные отклики советских людей. Колхозник Дмитрий Федорович Михеев писал маршалу В. К. Блюхеру: «Я узнал о героическом поступке семьи Лагоды. Я отец девяти сыновей нашей счастливой социалистической Родины. Двое моих сыновей служат в Вашей доблестной ОКДВА. Павел Михеев — старшина караульной роты штаба ОКДВА в г. Хабаровске, Виктор Михеев — старшина роты на станции Н. Третий мой сын, Федор, 1915 года рождения. Недавно он был на комиссии и признан годным к службе в рядах РККА. Он ждет распоряжения явиться по первому зову Советского правительства. Его мечта — поехать на охрану дальневосточных границ. Четвертый сын, Иван, — 1916 года рождения — ждет не дождется призыва. Сейчас он учится на комбайнера. Пятый сын, Владимир, — 1918 года рождения — не дождался призыва и уехал к братьям, служащим у Вас, с целью добровольно поступить в Краснознаменную армию, чтобы охранять границы от заклятых хищников японского империализма, убившего славного воина Семена Лагоду. Будьте добры, не откажите в его стремлениях, зачислите его в Красную Армию. Старший сын, Александр, служит в переменном составе РККА и работает в г. Челябинске техником автоматической станции связи. У всех моих сыновей, и у тех, которые еще учатся в школе, одно стремление —

быть в рядах героической непобедимой Красной Армии. Я хотя и старик-инвалид (52 года), но если нужно будет, встану во главе своего боевого отделения стойких и отважных бойцов и буду громить наших заклятых врагов, покушающихся на нашу счастливую жизнь».

Дмитрий Федорович мечтал собрать всех своих сыновей в одну часть ОКДВА и создать из них михеевское подразделение. Он долго подбирал род войск, где бы сыновья могли служить вместе. Выбору помог случай. Однажды он сопровождал своего сына Федора к месту службы в одну из танковых частей ОКДВА и там впервые увидел танки. Они поразили его. Командир части предложил Дмитрию Федоровичу прокатиться на танке. Тот охотно согласился. Танк, ломая деревья, пошел по тайге, легко преодолевая овраги и лощины. Колхозник остался очень доволен. Тогда ему предложили сесть на танк-амфибию и совершить путешествие по реке. Старик сначала оробел:

— А не утонем?

Дружный смех танкистов был ответом на его вопрос. Это подзадорило Дмитрия Федоровича. Осмотрев еще раз внимательно танк, он молча полез в машину.

Танк медленно спустился с берега, вошел в реку и быстро поплыл по ней к противоположному берегу, а потом обратно. Вылезая из танка, Дмитрий Федорович сказал:

— Вот это машина! А нельзя ли нам получить один танк, чтобы весь экипаж был михеевским?

Командир ответил, что об этом следует подумать.

Однако Дмитрий Федорович хотел как можно скорее осуществить свою мечту. Просьбу свою он изложил в письме В. К. Блюхеру и вскоре получил от

маршала ответ: «Спасибо, Дмитрий Федорович, большое красноармейское спасибо за сыновей, за воспитание из них славных патриотов нашей великой Родины. Обещаем Вам, что михеевский экипаж будет создан».

Привет, крепко жму руку. Блюхер».

Танковый экипаж братьев Михеевых был создан. Вслед за сыновьями на Дальний Восток приехал на постоянное жительство и глава семьи Д. Ф. Михеев.

Летом 1938 года японские милитаристы пытались захватить советские высоты Заозерную и Безымянную, расположенные в районе озера Хасан. Японская армия долго и основательно готовилась к нападению. Противник не случайно избрал этот район для агрессии. Обе высоты составляют вершину одного и того же скалистого кряжа, круто спускающегося прямо к озеру. Хотя они сравнительно и невысокие (Заозерная имеет высоту 157 метров и длину гребня 350 метров), но в ясную погоду с них хорошо просматривается все побережье — от Посъета до Владивостока. От остальной советской территории высоты отделены озером Хасан, растянувшимися на 5 километров вдоль границы, обойти которое можно только по двум очень узким и открытым проходам рядом с границей.

Неприятель рассчитывал, что из-за болотистой местности и отсутствия хороших дорог нельзя будет использовать танки и тяжелую артиллерию, а хороший обзор всего района с высот позволит ему вести по нашим войскам эффективный артиллерийский огонь.

Получив сведения о сосредоточении японских войск, Военный совет Дальневосточного Краснозна-

менного фронта¹ 24 июля отдал директиву: «Усиленные батальоны 118-го и 119-го стрелковых полков и 121-го кавполка немедленно сосредоточить в район Заречья и привести войска в полную боевую готовность. Вернуть людей со всех работ в свои подразделения. Иметь во всех частях наготове опознавательные полотнища для связи с авиацией».

По этой директиве вся система ПВО была приведена в боевую готовность. Пограничники получили указание соблюдать спокойствие и выдержку, не поддаваться на провокации, применять оружие только в случае прямого нарушения границы.

29 июля противник двумя колоннами начал наступление на высоту Безымянную, на которой находились 11 наших пограничников. Противнику удалось захватить высоту.

Командующий фронтом В. К. Блюхер в тот же день приказал: «Японцев, наступающих на нашу территорию в районе севернее высоты Заозерная, немедленно уничтожить на нашей территории, не переходя границу... Обратить внимание на прочное удержание в наших руках этой горы и немедленно принять меры к установлению артиллерии на огневые позиции с задачей преграждения противнику какого бы то ни было продвижения на нашу территорию».

Пограничники мужественно встретили наступление противника, обрушив на него всю силу своего огня и отразив первую его атаку. Но враг продолжал наступать. На помощь подоспела рота коммуниста Д. Т. Левченко. В ожесточенной схватке противник

¹ В связи с угрозой нападения Японии на СССР Особая Краснознаменная Дальневосточная армия 1 июля 1938 года была преобразована в Дальневосточный Краснознаменный фронт. Командующим фронтом был назначен В. К. Блюхер.

был отброшен. Высота Безымянная вновь стала советской. Приказ командующего был выполнен. В этой схватке 11 пограничников проявили исключительную стойкость и героизм. Ни один не покинул поле боя. Пять из них были убиты, остальные ранены.

День 30 июля прошел в напряжении. На рассвете 31 июля усиленные наряды бойцов слышали шорох, а затем увидели силуэты ползущих японцев. Сильная ружейно-пулеметная стрельба нарушила ночную тишину в районе высот Заозерной и Безымянной.

Заместитель политрука С. Н. Бамбуров открыл огонь из ручного пулемета. Но вот патроны кончились и пулемет замолк. Японцы с криком «банзай» бросились вперед и окружили Бамбурова. Они стремились захватить его живым, но последней гранатой он проложил себе дорогу и скрылся во мгле¹.

Подтянув свежие силы, противник вновь пошел в атаку. Полковник Федотов, руководивший боем на высоте Заозерной, запросил помощи. Блюхер тотчас телеграфировал командующему армией: «Просьбу полковника Федотова об усилении его еще одним батальоном немедленно удовлетворить, повторяю, удовлетворить».

Имея численное превосходство и удобные пути подхода, японцы продолжали непрерывно атаковать наши позиции. Бойцы 118-го стрелкового полка забросали неприятеля ручными гранатами, а затем решительно перешли в штыковую атаку и отбросили его.

Но обстановка с каждым часом осложнялась. «Противник сконцентрировал крупные силы в рай-

¹ За мужество и отвагу С. Н. Бамбурову и Д. Т. Левченко было присвоено звание Героя Советского Союза.

оне Заозерная и Безымянная,— доносил Федотов.— Крупнокалиберная артиллерия обстреливает наши тылы. Я должен наступать в узкой полосе, весьма неудобной и болотистой, все время под фланговым и сильным огнем. Вчера и сегодня у противника подходят непрерывно эшелоны с новым подкреплением».

Вечером 31 июля наши подразделения отошли. Заняв высоты, неприятель стал спешно укреплять их. Все подступы к ним он держал под сильным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем.

Непосредственное командование войсками Блюхер возложил на начальника штаба комкора Г. М. Штерна, оставив за собой общее руководство. 2 августа он вместе с членом Военного совета П. И. Мазеповым прилетел в район боевых действий. Командующий фронтом одобрил действия комкора Г. М. Штерна и принял решительные меры к улучшению работы тыла, организовав ускоренную доставку на фронт подкреплений, боеприпасов и продовольствия.

5 августа закончились последние приготовления к штурму высот. Г. М. Штерн отдал приказ о наступлении: «Задача корпуса с приданными частями — 6 августа овладеть высотой Заозерная и уничтожить врагов, посмевших вторгнуться на нашу советскую землю».

Во всех подразделениях были проведены митинги, партийные и комсомольские собрания. Бойцы и командиры единодушно заявили, что они не пощадят своей жизни, но выполнят приказ командования. Сотни бойцов в эти дни подали заявления с просьбой принять их в ряды Коммунистической партии и ВЛКСМ. Первый батальон 95-го полка стал полностью комсомольским.

В предстоящей операции В. К. Блюхер возлагал большие надежды на авиацию, которой командовал Герой Советского Союза комбриг П. В. Рычагов. Рано утром 6 августа части заняли исходные позиции и с нетерпением ждали команды. Однако спустившийся сильный туман задержал их вылет. Только в 16.00 показались они над районом боев. 216 тяжелых бомбардировщиков целый час бомбили позиции противника.

После короткой, но мощной артиллерийской подготовки в 17.00 части ОКДВА пошли в атаку. Обгоняя пехоту, вперед вырвались танки полковника А. П. Панфилова. Рельеф местности затруднял наступательный порыв, так как приходилось идти по крутым склонам сопки. Два узких прохода не допускали маневра. Несмотря на это, бойцы упорно продвигались вперед. 96-й стрелковый полк, смяв уцелевшие цепи противника, в 18 часов захватил северо-восточные скаты высоты Безымянной. Одновременно несколько танков ворвались на высоту Заозерную. За ними спешили бойцы 118-го полка. Смело и отважно действовал секретарь партийного бюро полка лейтенант И. Н. Мошляк¹. Несмотря на ранения, он шел впереди атакующих с пробитым пулями красным знаменем, увлекая за собой весь полк. Атака завершилась стремительным штыковым ударом. В 22 часа 30 минут Заозерная была взята. Лейтенант И. Н. Мошляк вместе с полковником А. П. Панфиловым под громкие крики «ура» и ружейный салют водрузили на вершине красное знамя.

В течение нескольких дней японские захватчики предпринимали отчаянные попытки вновь занять высоту. Подпуская врага на короткую дистанцию, со-

¹ Ныне генерал-майор запаса.

ветские войска каждый раз сметали его цепи ураганным огнем. Особенно ожесточенную атаку предпринял противник 7 августа. «Командиры и комиссары 118-го и 120-го стрелковых полков лично руководят отражением атаки японцев,— говорится в донесении штаба дивизии.— Подпустив японцев на 200—300 метров, части открывают ружейно-пулеметный огонь, а затем, забросав противника гранатами, переходят в контратаку... В этом бою были тяжело ранены командиры полков Солянов и Привалов, которые продолжали лично руководить остатками полков и, только окончательно обессилив, оставили поле боя».

Сотни бойцов и командиров проявили в эти дни беспрецедентный героизм и самопожертвование. Шесть раз капитан М. С. Бочкарев водил свой батальон в атаку ночью 7 августа. В одной из них на него набросилось несколько самураев. Сержант Н. М. Бариннов ринулся ему на помощь. Он заколол штыком трех японцев и спас жизнь своему командиру.

С утра 9 августа противник вновь начал атаковать высоту Заозерную. Но все атаки были отбиты.

Не добившись успеха, японское правительство запросило перемирия. По достигнутому соглашению все боевые действия прекращались 11 августа.

В боях у озера Хасан советские войска еще раз продемонстрировали свою силу и неприступность наших дальневосточных границ.

Трудящиеся Дальнего Востока и бойцы Особой Краснознаменной Дальневосточной армии высоко ценили заслуги В. К. Блюхера в укреплении боевой мощи и преобразовании родного края, который при активном участии Василия Константиновича превращался в один из индустриальных районов Советского

Союза. В декабре 1937 года они избрали маршала депутатом Верховного Совета СССР, а весной 1938 года — депутатом Верховного Совета РСФСР.

Выступая на предвыборном собрании рабочих и служащих в Уссурийске 11 декабря 1937 года, В. К. Блюхер говорил: «Моя жизнь — это жизнь рабочих и крестьян Страны Советов. Выдвинутый из рядов народа, я вырос в военного и политического деятеля только потому, что мною руководила Коммунистическая партия... Могу смело сказать, что с 1917 года и по сей день я честно выполнял обязанности перед своим классом. Заверяю вас, что и впредь, облеченный вашим доверием, я с честью его оправдаю».

В ознаменование 20-й годовщины РККА В. К. Блюхер был награжден вторым орденом Ленина. Вместе с ним получили ордена 93 командира ОКДВА. Поздравляя славных орденосцев с высокой наградой, маршал напоминал им, что «угроза войны особенно чувствуется... на Дальнем Востоке, где пламя войны охватило сотни миллионов трудящегося населения. Мы, борясь за дело мира, одновременно и неуклонно крепим оборону и мощь нашей социалистической Родины. На страже границ Советского Дальнего Востока стоит наша Красная Армия и один из ее передовых отрядов — ОКДВА, которой доверена защита одного из наиболее угрожаемых участков нашей социалистической Родины».

Свою благородную задачу — быть неусыпным стражем наших дальневосточных границ — Особая Краснознаменная Дальневосточная армия выполнила.

Душенькин Василий Васильевич

ПРОЛЕТАРСКИЙ МАРШАЛ (О В. К. Блюхере)

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Л. И. Стебакова*

Младший редактор *М. С. Анисимова*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *О. М. Семенова*

Подписано в печать с матриц 8 января 1974 г. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 5,78. Учетно-изд. л. 5,43. Тираж 200 000 (100 001—200 000) экз. А00003. Заказ № 3130. Цена 15 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

15 коп

ПОЛИТИЗДАТ • 1974